

Вячеслав Жуков

**Щупальца
спрута**

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

Щупальца спрута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805985

Аннотация

«Оперативники стояли молча, наблюдая за работой Тутмина. Суетливый эксперт капитан знал свое дело, выполняя обычную в таких случаях работу, какую должен выполнять. Единственное, что вызывало в нем трепетное волнение, это пострадавший. Его отличало от незнакомого человека, с какими эксперт привык иметь дело, то, что за долгую работу в аппарате розыска между ними сложились если не приятельские, но вполне тесные отношения. Они вместе выезжали на вызова. Вместе распутывали сложные, с точки зрения криминалистики, дела. И вот теперь Голиков мертв. Наверное, Тутмину, как и Стасу Кручинину, не хотелось в это верить. Поэтому и прикосновения его к мертвому телу оперативника казались всем осторожными. Хотя в других случаях Тутмин запросто мог допустить, пусть и маленькую, но небрежность...»

Содержание

1	4
2	7
3	12
4	17
5	22
6	25
7	33
8	42
9	44
10	51
11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вячеслав Жуков

Щупальца спрута

1

Резкий телефонный звонок заставил Кручинина проснуться. Капитан открыл глаза и взглянул на настольные часы стоявшие на маленьком столике. На них было без четверти два. Лег в половине двенадцатого и, кажется, только заснул, а два часа пролетели как одна минута. И самое бы спать и спать еще, если б не этот проклятый телефон.

Кручинин откинул одеяло, но вставать не спешил. Может не подходить вовсе, не снимать трубку, и пошли все к черту. Позвонят, позвонят и отвяжутся. И какому только идиоту взбрело в башку позвонить среди ночи. Ну, если кто-то ошибся номером. Не единожды уже так было. Ошибется по пьяни ночной гуляка и не ту цифру нажмет. Потом, конечно, извинится. Только, что Кручинину до его извинений, сон уже все равно нарушен.

Но, вряд ли, это случайный звонок. Уж слишком настойчиво разрывается аппарат, и Стас понял, если не снимет трубку, заснуть ему не дадут. Он сел на кровати, зевая, и еще пару минут сидел, ненавистно косясь на аппарат. Теперь уже не сомневался, уверен был, звонят с работы. Значит, надо подойти и снять трубку и ответить как всегда в таких случаях дежурную фразу – я слушаю.

Он подошел к тумбочке, на которой стоял телефон, и зябко ежась от ночной прохлады, сел в кресло.

Балконная дверь осталась открытой еще с вечера, оттого и холод в квартире. А все, дурная привычка проветривать на ночь квартиру. Так заснул, а дверь закрыть забыть. Теперь по комнатам гулял прохладный ветер, надувая штору балконной двери как парус.

– Да. Я слушаю, – с недовольством проговорил Кручинин несколько не заботясь, нравится ли его тон звонившему. В конце концов, Стасу тоже не в радость этот ночной звонок. Да и соседи от него не в восторге. Проснулись, небось, и ушками водят. Стены между квартирами тонкие. А резкий телефонный звонок ночью, просто режет слух.

– Стас... – заговорил взволнованный голос.

– Слушаю, – Кручинин узнал в звонившем начальника уголовного розыска майора Алексеева. Сразу понял, что-то случилось, иначе бы Алексеев не стал беспокоить ночью. Он человек деликатный и с понятием. Значит, произошло нечто такое, серьезное. И по этой причине майор поднимает личный состав. Или одного Стаса? Именно это капитану захотелось узнать, сейчас, немедленно. И он повторил:

– Я вас слушаю. Что случилось?

– Стас, немедленно приезжай в отдел. Понял меня?

Кручинин покосился на часы. Неплохо бы напомнить Алексееву о времени и о том, что сейчас глубокая ночь и все нормальные люди спят.

– Я понял, Игорь Николаевич. А что случилось-то? Все-таки ночь. Я так разумею, просто так ты бы меня из постели выдергивать не стал.

Майор Алексеев заговорил тише, видно в кабинете был не один. Сказал едва ли не шепотом:

– Володька Голиков застрелился...

– Что? Николаич... – Стасу очень хотелось принять это сообщение за злую шутку. Только кто решится так шутить? Значит, ... значит, это правда. Горькая, правда, которую слух отказывался воспринимать. И, тем не менее, это случилось.

Несмотря, что в квартире было прохладно, Кручинин почувствовал, как на спине выступили холодные капли пота.

– Николаич, как же это?.. Ты что?..

– Да, Стас. Это так. Я обзваниваю всех наших, чтоб срочно приехали в отдел. Прокуратура тут. И даже куратор из особого отдела прикатил. Так что давай, Стас, быстренько сюда.

– Все понял, – по-военному ответил капитан Кручинин и услышал в трубке частые гудки. Видно майор стал звонить кому-то другому.

Положив трубку на аппарат, Стас подошел и со злостью довольно сильно хлопнул балконной дверью так, что от потока воздуха окно издало звук похожий на протяжный вздох. В голове не укладывалось, что сказал Алексеев. Конечно, никто из оперативников не гарантирован от трагической случайности, но Володька Голиков... Опытный сотрудник, отдавший уголовному розыску второй десяток лет, никогда не помышлял о самоубийстве. По крайней мере, так казалось Стасу.

А ведь они с Голиковым были большими приятелями. И кому, как не Стасу первому узнать о трагическом замысле приятеля. Но он не узнал, а Голикова теперь нет. И Стасу ничего другого не остается, как смириться с его смертью.

Быстро собравшись, Кручинин пошел на стоянку. Хорошо, что его потрепанная «трешка» стояла с краю. Выезд остался не загороженным, а то бы не тронуться ему с места. Еще с вечера капитан попросил сторожа приглядеть, чтобы другие владельцы машин не зажали его. Одним благодарственным – спасибо, дело не обошлось. Пришлось пожертвовать из милицейского жалования сторожу на пиво. Зато сейчас Стас смог беспрепятственно выехать. А сторож уже давно привык к его ночным выездам. Такая уж видно у этого Кручинина ментовская работа, что нет ему по ночам покоя.

* * *

Еще только подойдя к дверям, Кручинин заметил нервозность, царившую в управлении. На все звонки, поступающие на пульт, дежурный реагировал как на сигналы тревоги, быстро хватал трубку, что-то записывал, отвечал отрывисто, потом бросал трубку и тут же отдавал по рации команду группе немедленного задержания.

– Чего он суетится так? – спросил Кручинин у сержанта, дежурившего на дверях, кивнув на офицера за пультом. Уж слишком затравленный был у того вид.

– Из министерства приехали. Час целый его мурыжили, – ответил сержант с нескрываемым сарказмом. Дескать, не все с нас с рядовых стружку снимать, пусть и вашему брату, офицерам, достанется.

– По поводу капитана Голикова?

– Ну, а то, – кивнул сержант здоровенной башкой. – Только разве дежурный уследит за каждым, и кто, восколько домой уходит.

Кручинин на это промолчал. Ему было жаль дежурного, у которого рубаха на спине уже взмокла.

– Они ему еще претензии по поводу оружия предъявили, – сказал сержант, проследив, куда смотрит Стас.

– Претензии? – Он немного отвлекся и не сразу понял, о чем говорит сержант. И постовой пустился в объяснения:

– Почему, видишь ли, капитан Голиков оружие держал при себе.

– Так он же не унес его домой, насколько я понимаю. Держал в кабинете, в сейфе. – На взгляд капитана эти особисты несправедливо поступают по отношению к дежурному. Пытаются из него сделать стрелочника.

– Это ты им скажи, – кивнул сержант в сторону машины с министерскими номерами. А Кручинин вздохнул. Скорее всего, сержант прав, вряд ли теперь проверяющих устроят какие-либо доводы. Так заведено в этой сложной системе, и уж если кого захотят сделать виновным, будь спокоен, так оно и будет.

– Ладно, – произнес Кручинин это слово так, словно на него нагрузили целый воз, который ему предстояло тянуть. Он тут же подумал о том, с каким удовольствием прокурорские и эти особы, накинутся на оперативников и будут терзать их. И скорее всего майору Алексееву уже досталось, по крайней мере от начальника управления. Вряд ли полковник Рокотов спокойно перенесет это чп. И для майора Алексеева оно не пройдет безболезненно.

Поднимаясь по лестнице на этаж, где располагался РУБОП, Стас рассуждал о незавидной судьбе майора и о том, что ждет его. Выговорешник с занесением в личное дело, это в лучшем случае. А в худшем... Об этом капитан не захотел думать, потому что относился к Алексееву с уважением.

Стас остановился перед дверью, за которой находился их кабинет: его и капитана Голикова. Два стола, четыре стула. Два небольших сейфа набитых бумагами. И шкаф у двери, для одежды.

Кабинет небольшой, но им всегда хватало места, чтоб не ссориться. Не хотелось верить, что никогда не унывающего, веселого парня Володьки Голикова больше нет. Стас представить не мог, как вообще такое могло случиться. Перебрал он? Так выпивал Голиков всегда ровно столько, чтобы не потерять разум и устоять на ногах. Значит, версия о том, что он совершил это под воздействием алкоголя, отпадает. Хотя вчера перед уходом Кручинина, они выпили грамм по сто пятьдесят водки. Немного посидели. Потом Кручинин ушел, а Володька остался. Сказал, что нужно задержаться, сослался на деловой разговор. Вот только не сказал, с кем должен состояться этот разговор. А Стас в душу лезть не стал. Только заметил капитан Кручинин в глазах у Голикова тоску. Хотя и не считал себя фаталистом, и почему-то вспомнил про судьбу.

Стас Кручинин стоял перед закрытой дверью и тупо смотрел на ничего не значащую табличку с цифрами – 316, словно рассуждая, входить или не стоит. Может сразу податься к Алексееву. И вдруг услышал за спиной чуть хриловатый голос:

– Входите, не стесняйтесь. – Прозвучало как бы с насмешкой, что не соответствовало сложившейся ситуации.

«Ничего себе», – подумал Кручинин. Эти слова зацепили его. Уж кто, кто, а он стесняться не будет. Тем более не в гости пришел, а к себе в кабинет. Он обернулся, увидел невысокого, плотного мужчину лет пятидесяти, лысоватого в строгом, черного цвета, костюме. Кажется, тот только что вышел из туалета, стоял, вытирал носовым платочком руки и внимательно разглядывал Кручинина. У него был неприятный, как принято говорить, блуждающий взгляд. В каких-то несколько секунд он успел оглядеть Стаса с головы до ног, делая для себя какие-то характерные выводы. Стас не успевал уследить за его взглядом, хотя тоже не отказал себе в удовольствии и таранился на незнакомца, безошибочно определив в нем особиста.

С минуту они молча сверлили друг друга взглядами. Потом предполагаемый особист моргнул. Его маленькие юркие глазки от напряжения сделались влажными.

– Вы – Кручинин?

– Капитан Кручинин, – поправил его Стас. Но особист это словно пропустил мимо ушей, сказал, кивнув на дверь: – Входите. Я думаю, вам будет интересно взглянуть. А потом мы с вами побеседуем. Я – майор Ваньков из главного управления, – наконец представился он и легонько подтолкнул Кручинина, открыв перед ним дверь.

Капитан вошел.

2

Стас и представить не мог, что такой небольшой кабинет способен вместить столько народу. Сразу сработала мысль об экспертах. Не мешало бы им позаботиться о следах. Это было его профессиональной привычкой оперативника. А расследование каждого преступления непременно начинается с изучения следов. Так было и так будет. Но похоже, главный эксперт, капитан Тутмин, упустил это.

Володька Голиков лежал на полу, на боку, поджав ноги, подвернув левую руку под туловище. Поза не слишком удобная для живого человека. Но это для живого. Капитан Голиков уже живым не был. Об этом лишний раз свидетельствовала выступившая на лице бледность и большое кровавое пятно растекшееся по линолеуму.

Скорее всего, в момент выстрела он сидел за столом на своем месте. Он всегда сидел на одном и том же стуле, не совсем новом, протертом от долгого, нудного, просиживания едва ли не до ватины. Но этот стул ему нравился. Он устраивал его. И смерть, ужасная и безжалостная, прикоснулась к нему тут же, на этом стуле.

Кручинину немного показалось странным, что после выстрела, Голиков упал, но не выронил пистолета. «ПМ» так и остался в его правой руке. И даже указательный палец застыл на спусковом крючке. Казалось бы, падая со стула, капитан Голиков должен был выронить пистолет из руки и уж тем более, палец. Он никак не должен был остаться на спусковом крючке. На взгляд Стаса, это выглядело не естественно. Потом на этот счет он обязательно посоветуется с главным экспертом Тутминым. Нелишне узнать его мнение.

Почти половина сотрудников отдела собралась тут. Стас бегло пробежал взглядом по хмурым лицам, поздоровавшись кивком головы. Почти никто не разговаривал. Оперативники стояли, молча, наблюдая за работой Тутмина. Суетливый эксперт капитан знал свое дело, выполняя обычную, в таких случаях, работу, какую должен выполнять. Единственное, что вызывало в нем трепетное волнение, это пострадавший. Его отличало от незнакомого человека, с какими эксперт привык иметь дело, то, что за долгую работу в аппарате розыска между ними сложились, если не приятельские, но вполне тесные отношения. Они вместе выезжали на вызова. Вместе распутывали сложные, с точки зрения криминалистики, дела. И вот теперь, Голиков мертв. Наверное, Тутмину, как и Стасу Кручинину, не хотелось в это верить. Поэтому и прикосновения его к мертвому телу оперативника казались всем осторожными. Хотя в других случаях Тутмин запросто мог допустить, пусть и маленькую, но небрежность.

Молодой лейтенант Лугин, оказался менее сдержан, чем другие опера, и когда Стас встал рядом с ним, шепнул:

– Представляешь, напарник твой, пальнул себе прямо в сердце. Наповал сразу, – добавил он. Казалось, у него единственного на лице проступало что-то наподобие восторга. Унылым его вид, уж точно не назовешь. В отдел он пришел совсем недавно и еще порядком не успел ни с кем сработаться. Наверное, поэтому Кручинин не заметил на его лице сожаления.

Тут же оказался и майор Ваньков. Он стоял позади, возле самой двери и поочередно водил своими маленькими глазками по лицам оперативников. На мертвого Голикова он уже наглядился и тот его уже больше не интересовал. Есть эксперт и его слово будет значимым. А все остальное покажет вскрытие. Но пока Ваньков был недоволен. Его профессионализма вполне хватало, чтобы вот так сразу определить причину смерти капитана. Определить, по крайней мере, для себя и сделать соответствующие выводы. А они были таковы: дисциплина в аппарате розыска на самом низком уровне, раз оперативники начинают стреляться.

Когда майор Ваньков вышел, Алексеев подошел к Кручинину, и точно позабыв, что тут же стоит полковник Рокотов, сказал:

– Они сейчас все в моем кабинете, – он имел в виду прокурорских работников и майора Ванькова, который ему очень не нравился своей вьедливостью. – Со всеми, кто здесь уже поговорили...

– Шустрые ребята, – съязвил на это Кручинин.

– Да уж, не пальцем деланы, – сказал Алексеев и тут же посчитал своим долгом напомнить: – Ты вот что, будешь с ними беседовать, не сболтни чего-нибудь такого... – Он не договорил, покосившись на начальника управления. Хотя сейчас его можно было не опасаться. Рокотов целиком и полностью был на стороне своих подчиненных.

– Такого, чего? – Стас не понял, что майор имел в виду. Сказал бы уж прямо, без намеков, а то инструктаж получается неполным.

– Стас, перестань. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Что ты, Николаич? Я вполне серьезно.

– Ну, если серьезно, то позволь я тебя спрошу? Вы водку с Голиковым пили?

– А как же. Не без этого, – Стасу не хотелось об этом вот так при всех говорить. И особенно при начальнике управления. Но раз уж Алексеев спросил об этом прямо, так же прямо Стас и ответил. Не зеленые пацаны они, чтобы юлить и обманывать.

– Стас, я имею в виду, вечером, перед тем, как ты ушел домой. Пили?

Врать было бессмысленно, тем более Алексееву, который и сам иногда принимал участие в подобных застольях с сослуживцами. И, конечно, он был в курсе, что оперативники после работы частенько снимали нервные стрессы стаканом сорокоградусной.

– Ну, Стас, колись, – прозвенел на ухо лейтенант Лугин.

Незаметно от начальства Стас показал ему кулак, чтоб не лез, когда старшие разговаривают. И в подсказчиках Стас не нуждался. Сказал, пускаясь в откровение:

– Пили.

Точно Стас ручаться не взялся бы, но показалось, будто Алексеев вздохнул, причем с облегчением. Хотя не упустил укоризненно покачать головой, сказав при этом: – Я так и знал, – он указал пальцем на капитана Голикова, как на нечто такое, о чем он сильно жалел и переживал. – Вот до чего пьянство доводит. А ведь могло все быть иначе. И Голиков сейчас был бы с нами живой.

Стас виновато поднял глаза на полковника Рокотова. Несомненно, полковник все слышал. Уж слишком разошелся майор, показывая начальству свою строгость. Но тут же Стас понял и другое. Самому Алексееву «хвост» накрутили, теперь достанется от него подчиненным. Ведь совсем было необязательно, чтобы полковник узнал про выпивку. «Понятно, на что давит майор, – подумал Кручинин. – Голиков перебрал лишнего и под этим делом, нажал на курок. Только дудки вам, майор Алексеев. Не так Володька был пьян, чтобы не соображать, что делает. Тут, что-то другое». Обо всем этом Кручинину хотелось бы сказать майору Алексееву, а заодно и полковнику Рокотову, чтобы не считали оперов последними лохами. Но с этим Стас решил повременить. А сказал вот что:

– Николаич, мы после работы. Чисто по сто грамм, не больше. Чем хочешь, могу поклясться.

На что Алексеев строго заметил:

– После работы можешь выпить дома или в ресторане. Как ты говоришь, по сто грамм, но не в рабочем кабинете. И нелишне напомнить всем, – обвел майор строгим взглядом лица оперативников и сказал особенно подчеркнуто: – Оперативник должен быть всегда трезв, как стеклышко. Потому что в любое время его могут вызвать на работу. Вот Кручинин пришел, а водочкой попахивает. А ему сейчас, между прочим, будут задавать вопросы. Очень серьезные, причем. И он будет дышать на них перегаром. Думаю, Ванькову, это не понравится. А достанется в первую очередь, заметьте, не Кручинину, а мне, майору Алексееву.

Слушая Алексеева, Стас несколько не смутился. За свой поступок, если он будет признан, как приведший к гибели Голикова, он постарается ответить сам. И напрасно тут Алексеев плачется. Он постарался припомнить детали вечера, когда они сидели с Володькой Голиковым вот за этим самым столом. Стас распечатал бутылку «смирновки». Предложил Голикову уговорить ее, но тот выпил всего сто грамм, категорично заявив, что больше не будет. Стас набиваться не стал и забрал бутылку домой. Больше к ней, не прикоснувшись даже за ужином. И как, оказалось, поступил очень правильно.

– Я, конечно, извиняюсь, что встречаю, – заговорил вдруг эксперт Тутмин, считая своим долгом дать разъяснения, – но, полагаю, Голиков выпил не сто грамм, а намного больше. Вскрытие покажет, сколько он влил в себя. Но ручаюсь, сто граммами тут не обошлось.

– Слышал? – спросил Алексеев у Кручинина.

Но Стас Кручинин проявлял завидное упрямство, которое свойственно операм, и которое очень не нравилось Алексееву.

– Не мог Голиков выпить больше, – стоял Стас на своем, раздражая майора.

– Что, значит, не мог? – майор покраснел лицом. – Тебе авторитетный человек заявляет. Эксперт. Ты что же, не веришь Тутмину?

– Да причем тут, веришь, не веришь, – обиделся Стас. – Это все абстрактно. Я привык опираться на факты. А они таковы: я купил бутылку водки. Предложил Голикову выпить.

Алексеев смотрел на Стаса настороженно, как бы стараясь угадать, где в его словах, правда, а где ложь. Спросил:

– И что?

– А то. Я же говорю, мы выпили ровно по сто грамм. После чего я ушел.

Получалась какая-то неувязка, и майор Алексеев посчитал своим долгом разобраться в ней, чтобы не выглядеть в глазах полковника Рокотова беспомощным в противоборстве с подчиненным. Взглянув на капитана Тутмина, майор Алексеев хмуро заключил:

– Значит, ты ушел. И после твоего ухода, Голиков сбегал в магазин за водкой.

На этот счет Стас ничего вразумительного ответить не мог и только развел руками.

– Ну, уж не знаю.

– Конечно, ведь тебя не было? – прозвучало со скрытой насмешкой, которая предназначалась именно капитану Кручинину.

Наверное, майор Алексеев ожидал от Кручинина грубости, что, конечно же, в присутствии начальника управления неизбежно бы привело к получению капитаном выговорешника. Но Стас поступил достойно. Он промолчал. Зато, как выяснилось, Алексеев был не намерен молчать.

– Сержант, дежуривший на входе, утверждает, что капитан Голиков никуда не выходил. Значит, все это время он был тут, в кабинете, – сказал майор, ожидая, что на это ему ответит капитан.

У Стаса сразу закралась мысль, будто Алексеев его в чем-то подозревает. Но в чем? Ведь Голиков ни единым словом не обмолвился о самоубийстве, когда они сидели за столом. И вообще, надо еще разобраться, самоубийство ли это. Кручинин не верил. Не потому, что был по натуре скептиком. Просто, слишком хорошо знал Володьку Голикова. И зная его, не мог допустить плохого не только в его действиях, но и в башке. Что хотят пусть говорят. Думают, о чем хотят. Но не было у Голикова мысли наложить на себя руки. Уж Стас бы точно заметил это.

– Говорите, что хотите, но не верю в самоубийство капитана Голикова. Не верю! – с обидой за своего приятеля ответил Стас.

Полковник Рокотов взглянул на оперативника с нескрываемым удивлением, будто только сейчас увидел его, среди общей массы оперативников, таким «ершистым». Потом

многозначительно глянул на майора Алексеева, чей подчиненный вышел из-под контроля. И майор тут же отреагировал. Для начала строго взглянул на Стаса, потом сказал:

– Будет лучше, если ты умолчишь о своих соображениях. Понял меня? И про распитие с Голиковым водки не скажешь. Боюсь, тогда пятно на всем отделе будет. Отдельно, потом об этом поговорим.

«Все. Буду иметь взыскание с занесением в личное дело», – подумал Стас, глядя в разгневанные очи Алексеева, из которых того и гляди, полыхнут молнии. И неизвестно, что бы последовало дальше, если б не открылась дверь и в кабинет не просунулась голова майора Ванькова. Его маленькие глазки пробежали по лицам оперативников и остановились на Стасе Кручинине.

– Капитан Кручинин, – несколько устало произнес особист, – пожалуйста в кабинет майора Алексеева. Нам с вами необходимо побеседовать. При этом майор Ваньков едва заметно улыбнулся. Знал свое положение по отношению к этой серой массе. Нравилось, что даже самые опытные, проработавшие в розыске не один десяток лет, сотрудники дрожат перед ним. С годами это вошло в привычку, избавляться от которой Ваньков не собирался. Даже начальник управления, полковник Рокотов, заискивал перед ним. И Ванькову это нравилось. И глядя на его скупую, зловещую улыбку, как у палача ожидавшего жертву на эшафоте и от нетерпения потиравшего руки, Стасу стало не по себе. Почувствовал себя обреченным. Ноги отказывались идти.

– И, пожалуйста, побыстрее, – поторопил Ваньков, взглянув на часы. – У нас еще много работы.

Но к Стасу Кручинину, майор Ваньков отнесся неплохо. Капитан сам удивлялся, припоминая, как всего пять минут назад сослуживцы его пугали, называя за каверзные вопросы зверем. А Кручинину беседа с особистом понравилась. Ваньков оказался вовсе неглупым человеком, прекрасно разбирающимся в криминалистике. Но вопросы задавал исключительно отношений Голикова с товарищами по работе. Возможно, у Ванькова закрались точно такие подозрения, как и у Кручинина. Потом особист попросил охарактеризовать покойного капитана. Посчитал, раз они сидели в одном кабинете, стало быть, никто, кроме Кручинина не мог лучше знать его.

Стас в самых лучших тонах обрисовал Голикова и слушая его, Ваньков задумчиво произнес:

– С ваших слов получается, Голикову орден надо было вешать на грудь, а ему досталась пуля. Несправедливо.

– Несправедливо, – согласился Стас, потому что тоже считал Володьку достойным награды и жалел о той несправедливой участи, которая постигла его. Для себя поклялся докопаться до истины. Чего бы это ему не стоило. Пусть через год. Пусть через десять лет. Но он узнает, что же на самом деле произошло с Голиковым. Хотя никто его к этому не обязывал. Но чтобы успокоить совесть, Кручинин так сделает.

Побеседовав с Алексеевым и полковником Рокотовым, Ваньков не возражал уже против версии о самоубийстве на бытовой почве. Он послал двоих своих помощников к Голикову домой, не смотря на ночь.

Гонцы принесли в семью нехорошую весть, взяли с жены погибшего капитана необходимое объяснение и даже побеседовали с соседями. И жена Голикова скрывать не стала, рассказала про семейные скандалы, про то, что ее муж частенько предпочитал встречаться с женщинами и выпивал. Ваньков дал Стасу прочитать объяснение супруги Голикова. Хотелось узнать на этот счет его мнение.

– В управлении говорят, вы дружили с Голиковым не только по работе, – как бы, между прочим, заметил майор. На что Стас позволил ответить:

– Не скажу, что мы были, как не разлей вода. Но друг друга выручали не раз, даже ценой собственной жизни.

– О, это похвально, – сказал Ваньков. Кажется, он тоже ценил мужскую дружбу. По крайней мере, к Стасу у него больше вопросов не нашлось.

3

Вернувшись в кабинет, Стас увидел, что Голикова на полу уже нет.

Вместо него на линолеуме осталось большое пятно подсохшей крови, которое все старательно обходили.

Майор Алексеев сидел за столом на месте Стаса, а лейтенант Лугин и капитан Зорькин стояли возле окна. Остальные оперативники предпочли разойтись по своим кабинетам.

Стас сел на стул, на котором обычно сидел Володька Голиков. Страшно хотелось курить. Вспомнил, свои сигареты оставил дома. Подвела спешка. Уж слишком ошеломило сообщение майора Алексеева. Но сигареты должны быть у Голикова в ящике стола. Когда он в кабинете, обычно пачка сигарет и зажигалка лежали на столе, или в ящике. Раз на столе пачки не оказалось, значит есть смысл заглянуть в ящик.

Стас потянул за ручку, достал пачку «явы» и зажигалку. Сунул сигарету в рот и с наслаждением закурил, глянув на майора Алексеева. Кажется тот ждал от Кручинина доклада, потом не вытерпел, спросил:

– О чем он тебя спрашивал?

Капитан пустил тугую струю дыма, при этом как бы недоуменно пожав плечами.

– Да так, ничего особенного. Спросил, какие отношения были у Голикова с товарищами по работе. Как себя вел в быту. Бывали ли скандалы с женой. Не говорил ли он, что хочет покончить жизнь самоубийством. Ну, в общем, вопросы такого характера.

– А ты... – начал, было Алексеев, но Стас опередил его, хотя, может быть, этим поступил не совсем корректно по отношению к начальнику.

– Про то, что мы вчера пили, я не сказал. Да он и не спрашивал, – сказал Кручинин, проникновенно глянув в глаза начальника. В них он прочитал одобрение. Не подвел его подчиненный.

– Хорошо. Теперь надо потолковать с патологоанатомом, пусть в заключение не указывает, что Голиков был пьяным. Тогда можно дело представить, как неосторожное обращение с оружием. А? – майор самодовольно потер руки и поочередно взглянул, сначала на Стаса, потом на капитана Зорькина.

Стас ничего на это не ответил, а Зорькин охотно поддержал шефа:

– Правильно. По крайней мере, нас меньше мурыжить будут.

– Вот и я говорю, – сказал Алексеев. Теперь он не казался таким удрученным, каким его увидел Стас, когда вошел в кабинет и когда здесь лежал капитан Голиков с пулей в сердце. Теперь майор потирал руки.

А в голосе все еще была заметна подозрительность. Привычка у Алексеева такая, доверяй подчиненным, но не очень. И с этой подозрительностью он задал Стасу довольно резкий вопрос:

– А больше ничего такого ты Ванькову не наплел?

Стас разозлился. Не нравилась осторожность майора. Больше печется о своей карьере, чем о стремлении узнать, что же в действительности произошло с его подчиненным.

– А чего такого я мог наплести? – зло спросил Стас. Порой хотелось послать своего шефа ко всем чертям и только субординация не позволяла. Но когда-нибудь Алексеев дождется.

– Ладно, не злись. Это я так. Чего ты сразу взрываешься? Какой нервный стал, – в шутовском тоне проговорил майор и обернулся к Зорькину и Лугину.

Молодой лейтенант не упустил, хихикнул в угоду начальнику. А малоразговорчивый Зорькин стоял с каменным лицом. От такого слова не добьешься. И в отделе, за глаза, Зорькина прозвали молчуном.

– Ладно, – как будто сбросив камень с плеч, проговорил майор уже легко и встал, но прежде чем выйти из кабинета, спросил: – Слушай, Стас, ты не против, если Лугин переберется в твой кабинет? А то у парня нет ни стола своего, ни стула. Хватит ему скитаться. Пусть будет постоянное место, тем боле он работает в твоей группе.

– Я не против. Пусть заселяется, – сказал Стас, заметив, что в его бумагах на столе, кто-то успел прощуршать. Ничего такого, что касалось уголовных дел, в них не было. Для таких бумаг есть сейф. Но все равно неприятно, когда замечаешь вот такой повышенный интерес.

Стас сел на свое место, освободив стул Лугину. Но лейтенант не стал садиться на него, взял другой. Наверное, смутило то, что несколько часов назад на нем сидел человек, который закончил жизнь трагически. Лейтенант и мысли не допускал ни о чем подобном. И вообще старался побыстрее забыть, что здесь произошло. Он покосился на подсохшее кровавое пятно и сказал:

– Прибраться тут не мешало бы. А, Стас. Как думаешь?

– Сейчас уборщица придет, уберет, – ответил Кручинин, усевшись поудобней на стуле, положила ногу на ногу и мрачно наблюдая, как Лугин начал копаться в бумагах на столе покойного Голикова.

Когда Алексеев с Зорькиным ушли, Стас сказал несколько грубо:

– Знаешь, я на твоём месте пока не стал бы этого делать, – кивнул он на кучу бумаг, которые Лугин собирался убрать со стола. – Вдруг майору Ванькову это не понравится. Он ведь и отшлепать может.

– Ты думаешь? – немного растерянно произнес Лугин, начиная раскаиваться за свой поступок.

– Ну, сам посуди. Разбирательство ведь еще не закончено. Что-то может понадобится. Успеешь еще выбросить. Оставь пока все, как есть, – посоветовал Стас.

– Ладно, – согласился лейтенант, уже без суеты.

А Стас Кручинин, кажется, тут же забыл про присутствие Лугина. Отвернулся к окну. Не хотелось ничего, ни пустых разговоров, ни думать, ни о чем. Просто хотелось сидеть и смотреть в мутную пелену приближающегося рассвета. Дотлевшая едва ли не до фильтра сигарета, заняла свое место в фарфоровой пепельнице.

– Стас, о чем задумался? – спросил Лугин, начиная скучать.

– Ни о чем. Просто сижу. Знаешь, иногда полезно просто сесть и ничем не засорять мозги. В крайнем случаи, сиди и кури. На сигарету, – Стас достал из кармана пачку, которую оставил Голиков, уже хотел протянуть ее Лугину, но вдруг заметил на торцевой стороне накарябанные авторучкой цифры. «Что это? Похоже на телефонный номер», – подумал Кручинин.

Лугин протянул руку за пачкой, но Стас пачку оставил в своей руке, а лейтенанту в раскрытую ладонь положил сигарету. Пачку быстро убрал во внутренний карман пиджака. Все еще продолжал смотреть в окно, а из головы не выходили эти цифры.

Обычно все интересующее его, капитан Голиков старательно заносил в записную книжку, с которой никогда не расставался. Она всегда была у него под рукой. Вернее, в кармане, вместе со служебным удостоверением. В ней хранилось – тайное, и не очень. Вряд ли в ней было что-то ненужное. Скорее всего, то, что могло пригодиться оперу в его нелегкой работе. А эти цифры он вдруг почему-то не стал заносить в свою книжечку, а написал на пачке сигарет. Но почему?

«Может быть, Голиков нарочно записал эти цифры на пачке. Знал, что я частенько пользуюсь его сигаретами, потому и не убрал пачку в карман, а оставил в столе. Понимал, что в карманах все будут просматривать. Стоп. Если рассуждать так, то тогда получается, он предполагал свою смерть? Глупость какая-то. Ведь виделись вечером. Сидели вот за этим самым столом, Мог сказать, или хотя бы на худой конец, намекнуть. Но ничего такого не

произошло. Значит, он не думал умирать. Не мешало бы заглянуть в его записную книжку. Проверить, есть ли там эти циферки, или это его тайна, предназначенная только для меня. Его сообщение», – Стас закрыл ладонью глаза. Хотелось побыть одному. Посидеть в тишине, а этот Лугин, как шмель гудит над ухом.

– Ты что-то сказал? – спросил Стас, заметив на губах лейтенанта усмешку.

– Я спросил, ты куда не уйдешь? Мне надо сходить к Зорькину, забрать свои бумаги. А ключа от вашего кабинета у меня нет, – сказал Лугин.

– Да нет, я не уйду, не волнуйся. Иди за своим барахлом. – Кручинину страшно захотелось выпроводить надоедливую лейтенанта.

Едва за Лугиным закрылась дверь, Стас достал из кармана пачку, получше рассмотрел записанные цифры. Сразу понял, что Голиков писал их второпях. Авторучка немного подвела, и две последние цифры были почти незаметны. Видно у капитана не было времени обвести их получше. Но отпечатки остались на бумаге. Хотя и с трудом, но Стасу удалось разобрать две последние цифры, и он переписал номер к себе в записную книжку. «Похоже на телефонный номер», – подумал Стас, полагая, что дело осталось за малым, всего лишь узнать, кому он принадлежит. Кто, тот таинственный человек, который заинтересовал капитана Голикова. Тут же Стас вспомнил, что вечером, когда они сидели, выпивали, этой пачки у Голикова он не видел. Тогда Голиков достал пачку «кэмэл». Из нее и брали сигареты. А тут вдруг эта пачка «явы». Нарочно, что ли Голиков подложил ее в ящик стола?

В половине седьмого утра Стас не выдержал, снял трубку и набрал тот номер. «Была, не была. На удачу», – решил он, прислушиваясь к длинным, точно протяжные вздохи, гудкам.

Трубку сняли на удивление быстро. Не пришлось ждать и минуты. И строгий голос, явно принадлежащий большому начальнику, произнес:

– Слушаю.

Нужно было, что-то сказать, чтобы не выставить себя полным идиотом, понапрасну побеспокоившим человека спозаранку.

Терпение у того человека, кажется, стало сдавать, и он повторил в трубку:

– Ну слушаю? Алло. Говорите?

И тут капитан Кручинин выпалил первое, что пришло на ум. А пришло, имя и отчество капитана Голикова. И Стас спросил, придав голосу несколько расслабленный тон, как у человека только что проснувшегося и до конца, не осознававшего свой поступок.

– Владимира Степановича можно? – спросил Стас и заметил в голосе человека, разговаривавшего с ним откровенное удивление.

– Кого, кого?

Пришлось повторить:

– Владимира Степановича. Это ведь квартира Красновых? – фамилию Голикова, Стас посчитал необходимым изменить. Вплел сюда каких-то Красновых, которые, скорее всего, не имеют к абоненту никакого отношения. И теперь тот человек по поводу этих Красновых наверняка ломает голову. И вдобавок, у него, оказывается, есть определить номера. Едва он поднял трубку, в самом начале разговора, Стас услышал серию частых гудков. «Теперь он засек мой номер, и запросто узнает, откуда был этот утренний звонок», – посетила Стаса несколько мрачная мысль. И тут же в подтверждении его догадки, мужской голос спросил:

– С кем я говорю? Откуда вы звоните?

«Смотри-ка, какой шустрый. Так я тебе и сказал, откуда звоню. Выкуси. А мужичок-то, видать, хитренький. Поиграть решил. Только извини, представляться я тебе не собираюсь. Ведь я тоже не знаю, кто ты», – думал Стас, разговаривая.

– Я – знакомый Владимира Степановича. Будьте добры, пригласите его к трубке. Мне очень надо, – плаксиво запричитал Кручинин.

Кажется, хныканье капитана развеселило того человека. По крайней мере, голос у него изменился, в нем пропала строгость.

– Молодой человек, вы явно ошиблись номером. Наверное, перебрали вчера. Признавайтесь, было дело?

Стас принял игру. Отказаться, значило немедленно, сию минуту прервать разговор. А, именно, из него Стас и пытался составить портрет о том человеке. Готов был ему сейчас анекдоты рассказывать, лишь бы тот не бросал трубку. И сказал в угоду:

– А вы – прозорливый. И как только догадались? Ну да Бог с вами. Попали в точку. Признаюсь. Было дело. Посидели и очень хорошо.

Человек на другом конце провода видно ухмыльнулся, так ему понравилось откровение, культурного интеллигента, которого старательно изображал из себя Стас. И он заговорил уже совсем весело:

– Должен вас огорчить, милейший. Никакого Владимира Степановича тут нет. И квартира эта не Красновых. А моя – Зотова. Вам следует сначала похмелиться, потом набрать правильно номер.

«Значит, его фамилия – Зотов. Уже хорошо. Я знаю его номер. Его фамилию. Не мешало бы, конечно, узнать, чем занимается этот господин Зотов», – подумал Стас, искоса поглядывая на дверь. Скоро заявится Лугин и будет лучше, если он не услышит этого разговора.

Теперь же следовало изобразить недоумение и разочарование. С этим Стас вполне справился и предпочел пуститься в извинения.

– Извините, пожалуйста. Не знаю вашего имени, отчества, – говоря так, надеялся, что Зотов сообразит представиться. Но не получилось.

– Обойдемся без фамильярностей, – рыкнула трубка.

Стас понял, что больше из Зотова не удастся вытянуть ни слова, сказал:

– Как вам будет угодно. Прошу еще раз, меня извинить. А за совет спасибо. Обязательно им воспользуюсь перед тем, как в другой раз звонить.

На этот раз человек с фамилией Зотов хохотнул и положил трубку. И в ухо Стасу посыпались частые гудки. «Ладно, Зотов. Живи пока. А там я тобой займусь и обязательно выясню, какая связь между тобой и Володькой Голиковым и не причастен ли ты к его смерти. И если выяснится, что причастен, то тебе крупно не поздоровится», – думал Стас, попутно глянув на часы. Прошло не менее часа, а лейтенант Лугин как назло куда-то запропастился. Теперь Кручинин даже заскучал без него. Своей болтовней молодой лейтенант мог разрядить скучную кабинетную обстановку и что, особенно, немаловажно, от него можно узнать о разговорах сотрудников по поводу кончины капитана Голикова. Кто, что думает по этому поводу.

Прошло, по меньшей мере, еще минут двадцать и лейтенант явился с ворохом бумаг и стопкой картонных папок, с настольной лампой под мышкой.

– Долго я? – спросил Лугин прямо с порога, как будто Кручинин только и делал, что все это время с нетерпением ждал его.

Кручинин пожал плечами.

– Да как тебе сказать...

– Ладно, – озабоченно хмыкнул Лугин. – Сам знаю, что долго. Зато я узнал, что Рокотов велел Алексееву заготовить на тебя приказ. На выговорешник. Сечешь?

Но Кручинин несколько не удивился такой новости и даже посчитал ее довольно скучной. Ведь и сам догадывался об этом.

– Эко диво. Нашел чем удивить, – скривил Стас губы в улыбке.

Лугин как видно ожидал другой реакции, более обостренной, амбициозной. Сказал как бы с удивлением:

– А я думал ты пойдешь с покаянием к Рокотову.

– Это что, упасть в ножки? Поплакаться? Нет, Саша. К сожалению, а может, наоборот, к счастью, но родители не наделили меня таким паскудным качеством. Так что, буду терпеть. А пока еще мне не испортили окончательно настроение, приглашаю тебя в кафе. Пойдем, позавтракаем? Лугин на это предложение ответил согласием. Но стоило им выйти в коридор, как там, откуда не возьмись, появился майор Алексеев. В руке он держал свежееотпечатанный лист бумаги.

– Кручинин, подожди. Зайди ко мне на пару минут, – сказал Алексеев, отводя глаза в сторону.

Стас догадался, зачем так срочно понадобился майору. Ведь лейтенант уже предупредил.

4

Домой Стас приехал около семи вечера. После работы еще час с лишним слонялся с шоферами по гаражу. В последнее время его старенькая «трешка» что-то стала подводить хозяина. Наверное, ей уже подходил срок. И так шутка ли, на третий круг пошла машина. Вот и приходилось по вечерам подолгу оставаться в гараже. Но это не беспокоило его. Холостяцкая жизнь ни к чему не обязывала. Да и куда, собственно, ему торопиться, если вся семья – это он сам. Нет, конечно, женщины у Кручинина бывали, но их присутствие Стас обычно терпел день, два. Не больше. Наибольшее его терпения не хватало. И как оказывалось, желанными они были только до того, пока не попадали к нему в постель. И очень скоро, просто надоедали. Наверное, хорошо, что с годами у него выработалась привычка, расставаться с ними легко и, напроць отсутствовал такой порок, как ревность. Ни одну из них он не ревновал, потому что не любил и не планировал ни с одной надолго связать свою жизнь. Легко сходилась и легко расставался.

Но вот сегодня...

Стас как обычно возвращался домой, проезжая по Борисовскому переулку. Движение здесь всегда небольшое. Чем простаивать минут по сорок, пятьдесят, в пробках на центральных улицах, лучше объехать ближе к окраине. Всего-то лишних с десятков километров набегает, зато экономия во времени – колоссальная. В этом Стас убеждался не раз.

Он уже включил сигнал, показав, что собирается повернуть вправо на Хорошевское шоссе, как делал не раз и вдруг увидел на тротуаре возле газона, засаженного цветами, девушку в ярко-желтой майке и короткой белой юбке. Ее поведение показалось Кручинину довольно странным. Она, то приседала на корточки и что-то искала в густо заросшем цветнике, то вдруг пробежала несколько метров и резко останавливалась и, наклонившись, пыталась опять что-то отыскать в траве. При этом, совсем не обращая внимания, что короткая юбочка не позволяет принимать такие позы.

«Странная, какая-то», подумал про нее Стас и сбросил газ. Хотелось получше рассмотреть ее лицо. Фигура девушки была безукоризненной и не подлежала никакой критики. Длинные, стройные ноги, круглая попа и большие груди, едва удерживаемые тугим бюстгалтером, вот то, что заставляло мужчин оборачиваться. И еще у нее оказалась симпатичная мордашка. Такая понравится любому. Приглянулась она и Стасу. «Класс – девочка. Настоящий эталон сексуальной привлекательности», – загляделся на нее Стас, представив, как хорошо смотрелась бы она в его постели голая.

Он засмотрелся на нее, поэтому не сразу увидел белый пушистый комок, выкатившийся из цветника с садовыми ромашками. Котенок заигрался с бабочкой, ошалело, гоняясь за ней. И когда она, устав перелетать с цветка на цветок, устремилась на проезжую часть улицы, котенок смело помчался за ней с одной единственной целью, во что бы то ни стало цапнуть юркую капустницу своими острыми коготками.

Стас услышал, как вскрикнула девушка, закрыв лицо руками, чтобы не видеть распластанное тело пушистого любимца под передним колесом машины, и резко нажал на педаль тормоза, чуть не впечатавшись головой в лобовое стекло.

Правы гаишники, штрафую тех, кто пренебрегает ремнем безопасности. Теперь Кручинин на себе испытал это упущение. Грудь болела от удара об руль, а на лбу, под кудрявым чубом, появилась приличная шишка. Но самое неприятное, он так и не знал, остался ли котенок невредимым. И как перенесет такую трагедию красавица. Очень не хотелось ее огорчать.

Стасу сделалось нехорошо. Всегда болезненно переживал тот момент, когда становился свидетелем, как четвероногие попадают под колеса быстро летящих машин, и потом еще какое-то время проводят в страшных муках, прежде чем отойти в мир иной.

Он открыл дверь, быстро вылез из машины, обошел ее спереди, и наклонившись, заглянул под нее. Увидел взъерошенное белое пятно и два голубых глаза, в которых застыл неподдельный дикий ужас.

Увидев физиономию своего обидчика, котенок угрожающе зашипел и даже попытался куснуть Стаса за палец, когда тот доставал его из-под машины.

Оправившись от нахлынувшего ужаса, девушка подбежала. На ее красивом и несчастном лице, блестели слезинки.

– Вы его раздавили? – было ее первым вопросом.

Несомненно, котенок был породистый, дорогой, но дело не столько в деньгах, сколько в ее привязанности к этому мохнатому существу. А что это обстоит именно так, Стас нисколько не сомневался. И ему страшно захотелось, как можно скорей успокоить, утешить очаровательную хозяйку. Он поднял котенка на ладони, осмотрел, потрогал спинку, лапки и пришел к выводу, что повреждений нет. Разве что незначительные ушибы. Но уж тут не без этого. Все-таки побывать в такой переделке. Стас в ней и сам пострадал. Однако к нему красавица такой жалости не проявила. Хотя могла бы уж поблагодарить. Только вряд ли, капитан, ты имеешь право рассчитывать на благодарность. Не заслужил видать.

– Успокойтесь, пожалуйста. Ваш очаровашка в полном здравии, – сказал Стас, принося самые глубокие извинения, при этом прикрывая волосами здоровенную шишку на лбу. Хотя можно было и не беспокоиться на этот счет, девушка даже не удосужила его своим взглядом, считая виновником случившегося.

Она схватила котенка, прижала к груди и поцеловала в испуганную мордашку со словами:

– Мой маленький. Тебя чуть не задавили.

Кручинин стал понимать, что теперь он здесь лишний, и не стоит топтаться в ожидании благодарности. Вряд ли капитан ее дождется.

Оставалось только разочарованно вздохнуть, что и сделал Стас и поплелся к открытой двери, на ходу думая о тех гадостях, которые могла наговорить рассерженная красавица. К счастью, этого не произошло, и за то спасибо.

Он уже хотел сесть за руль, но девушка вдруг окликнула его:

– Одну минуточку.

Казалось, сердце у Стаса замерло и вовсе перестало биться. «Кажется, сейчас она будет меня благодарить», – тут же подумал он, нагло надеясь на элементарный поцелуй в щеку. Надо только выказать к этому желание и добиться от нее маленького расположения. В чем-чем, а уж в этом он искушенный мастер, способный уговорить даже самых неприступных женщин. Может быть повезет и с этой красавицей.

Стас обернулся, внимательно глянул в ее лицо, чтобы получше рассмотреть. «Бывают же такие прелестные создания. Ослепнуть можно от их красоты», – подумал капитан.

– Слушаю вас, – немного амбициозно сказал он. Взыграло мужское самолюбие, особенно по поводу запоздалой благодарности. Все-таки он совершил поступок: не раздавил пушистого любимца красотки. Другой бы на его месте возможно так быстро не среагировал. А Стас вот смог.

Девушка подошла. На ее лице засияла благодарная улыбка. Глядя в ее светящиеся неподдельной радостью глаза, можно было подумать, что в целом свете для этой красавицы нет ничего дороже ее котенка, которого она теперь ни на минуту не выпускала из рук.

Стас почувствовал изумительный запах ее духов. Даже голова пошла кругом. Сразу, почему-то представил свою, уютную квартиру с мягким диваном и красотку, сидящую у

него на коленях. Интимная обстановка, располагающая к раскрепощению. Он бы не отказался от близкого знакомства с этой красавицей, достойной мужа генерала. К сожалению, не часто таким простым ментам, как Стас, достается такой спелый фрукт. Судьба подарила шанс, не использовать который было бы просто глупо. К тому же на правой руке у девушки отсутствовало обручальное кольцо. Это говорило о многом, и в первую очередь о том, что красotka не замужем.

«А раз, она не замужем, то я могу к ней и подкатить», – решил Стас, и слабая надежда на продолжение отношений появилась в душе милицейского капитана.

– Вы не представляете, как я рада, что он жив, – все с той же улыбкой произнесла девушка, ласково прижимая пушистое создание к своей шее.

Огорчать ее Стас не решился, поэтому сказал:

– Очень даже представляю. Когда я увидел что вот-вот наеду на вашего белоснежного красавца, то чуть было не расплакался. Так переживал. Должен вам открыть тайну, я очень люблю животных. Честное слово. Стас был готов поклясться, что не врет, но к счастью, этого не потребовалось.

– Правда? – немного с недоверием спросила девушка, заглядывая в глаза Стасу. Скажи он сейчас обратное, и они расстались бы врагами. А так, возможно есть надежда на продолжение знакомства.

– Истинная правда. Ну, посудите сами. Я же не стал давить ваше очаровательное создание. Затормозил, а это можно рассматривать, как положительный поступок, – Стас произнес эти слова гордо, как похвалу себе, посчитав это необходимостью. Надо же как-то понравиться красотке. Может и она похвалит его. И тогда уже можно считать, что начало знакомству положено.

– Да, это так, – охотно согласилась девушка и, не выдержав его пристального взгляда, смущенно опустила глаза. Сделала вид, что рассматривает котенка, перебирая пальчиками его пушистую шерсть.

«Если она на меня не злится, то самое время узнать, как зовут ее, и спросить номер телефона», – подумал Стас и сказал:

– Меня – Станиславом зовут. Но для друзей я – Стас.

Девушка засмеялась. Кажется, она догадалась о коварном замысле Кручинина. Но против знакомства ничего не имела.

– А меня – Наташа, – сказала она, нежно поглаживая пушистый комок, которому уже порядком надоело сидеть у девушки на руках. Неумная энергия требовала движения, и котенок совершенно оправившись от недавнего испуга, поглядывал на цветы, над которыми кружили бабочки. В нем угадывался – маленький хищник, готовый переловить их всех.

– У вас прекрасное имя, – попытался Кручинин сделать маленький комплимент. – Я где-то читал, что имена подходят людям: по внешности, по характеру. Вот вам, например, ваше имя здорово подходит.

Наташа – это значит, красивая, женственная, – говоря так, Стас настойчиво добивался продолжения знакомства. Видел, и девушка не против, раз охотно поддерживает разговор. Если бы он был ей неприятен, вряд ли бы она стала пустословить с ним. Получается, есть смысл попытаться, заарканить ее. Сколько раз Стас добивался от женщин секса не наглостью и нахрапом, а элементарным терпением, за которое потом и был вознагражден. А борзость тут ни к чему. Она годится для бритых мальчиков, снимающих на ночь проститутку.

«Обязательно надо спросить у нее номер телефона», – решил Стас, стараясь произвести на девушку впечатление человека культурного. Понравиться ей.

– Наташа, можно я вам позвоню как-нибудь? – вкрадчиво спросил он, соорудив при этом несколько смущенную физиономию и в то же время обжигая девушку взглядом страстного любовника.

Не понятно, что заинтриговало красавицу больше, но она тут же ответила:

– Конечно можно. Мне интересно с вами разговаривать. Вы какой-то не такой...

– Какой же я? – не навязчиво поинтересовался Стас. Уж очень хотелось услышать о себе мнение так сказать со стороны, из уст этой красавицы. Но он был ей интересен. Это сулило многое. Хотя он и не звал ее в ресторан, не приглашал покататься на машине, что, наверное, был готов сделать каждый, кого она достаивала взглядом своих больших карих глаз.

– Так какой у вас номерок? – Стас проявил настойчивость. И тут же заметил, стоило ему спросить про номер, и девушка как будто погрузилась. В больших глазах отразилось что-то наподобие печали. Но так продолжалось недолго. Красотка вскинула чубом.

– А знаете что, – оживилась она, – хотите, я вам сама позвоню? Вы не против?

Что за вопрос? Хочет ли Стас, чтобы это милейшее создание уделило ему внимание, пусть даже по телефону.

– Наташенька, я не против, если вы мне будете звонить каждый вечер и даже по ночам, – сказал Стас без лишней скромности.

– Даже так, – кажется, девушка о чем-то призадумалась. Карие глаза изучающе смотрели на Стаса. Не врет ли?

– Уж не знаю, угодил ли вам, или нет. И прошу обратить внимание, я не женатый. Вот уже пятый год маюсь в одиночестве.

Девушку, кажется, такая подробность мало интересовала. Она окинула взглядом его потрепанную «трешку», но ничего такого по поводу машины не сказала.

Хотя Стас и сам готов был признать, что видок у его четырехколесной подруги не очень. А сейчас ведь принято по машине судить о ее хозяине. И вот так с ходу, сразу можно сказать, какое положение в обществе занимает владелец того или иного авто. Стас не «косил» под крутого, хотя одевался неплохо, со вкусом. Пожалуй, это единственное, чем мог выделиться из серой толпы холостяков. А «тачка» что? Кузов еще не ржавый, надо только отогнать машину в сервис и перекрасить. Но с этим можно и повременить. Одна мысль, что ему от дома до работы придется трястись в автобусе, угнетала его. Да при его работе без машины нельзя ни дня. Ведь хорошего опера, как и волка, кормят ноги.

Отбросив все домыслы по поводу старенького «жигуленка», он смело назвал свой домашний номер телефона и заговорил немного настойчиво:

– Имя мое вы знаете. Теперь буду с нетерпением ждать вашего звонка. Позвоните. Развеете мое одиночество. Знаете, как плохо человеку одному.

Наташа постаралась отшутиться.

– Ох, бедненький. Всеми забыт и заброшен. Совсем один...

Стас безапелляционно возразил:

– Наташенька, не то, чтобы всеми. Иногда мне звонят друзья. А знаете, как приятно услышать в трубке ласковый женский голосок.

Наташа рассмеялась. Рассмешил ее этот парень, показавшийся обыкновенным ловеласом. Пусть так. Зато с ним весело и легко. Забывается все плохое. А ведь сначала он показался ей неприятным типчиком, нагловатым. Ошибочное представление. Даже нескольких минут общения хватило, чтобы оно развеялось. И Наташа решила, когда ей будет очень скучно, обязательно позвонит, тем более что уже дала обещание.

Стас не упустил заметить, что разговаривая с ним, девушка то и дело бросала настороженные взгляды в ту сторону, откуда он только что ехал. Несомненно, она кого-то поджидала. Неужели мужчину? Захотелось узнать, и Стас глянул на проезжую часть улицы, по которой неслись машины.

Его внимание привлекла серая «девятка» норовисто обгонявшая попутные машины одна за другой. Наверное, у лихача водителя была веская причина так нестись, иначе с чего бы ему нарушать правила движения и тем самым рисковать.

Машина была еще далеко, но Стас заметил, как при ее приближении на лице Наташи появляется беспокойство. Теперь она уже не была веселой и добродушной, как несколько минут назад. В глазах появилась черствость, которая так не подходила ее красивому лицу.

Стас догадался, Наташа имеет какое-то отношение к сидящему за рулем бешеной «тачки» водителю, хотя всеми силами старается не показать этого. Не хочет, чтобы Стас видел. Даже в тайне от него вздохнула, сказав:

– Ладно, Стас. Я позвоню как-нибудь. А сейчас мне надо идти. Извини.

– Что ты? Это ты меня извини. Заболтал я тебя.

Наташа совсем невесело улыбнулась и кивнув головой медленно пошла по тротуару, навстречу несущемуся потоку машин.

– Наташа! – окликнул ее Стас.

Девушка обернулась. Посмотрела грустно.

– Буду ждать вашего звонка. Вы не забыли мой номер?

Только когда она повторила его, Стас с облегчением сел в машину. Очень хотелось увидеться с ней еще, и если она позвонит, Стас обязательно настоит на свидании. Упустить такую девушку, значит, многое потерять. Тогда он себя уважать перестанет. Он представил, с каким упоением ласкал бы ее высоко поднятые груди с выпуклыми сосками, проступающими сквозь майку. Потом, медленно стянув трусики, взялся бы за самое сокровенное, к чему не каждому суждено прикоснуться. Но все это может получиться только в том случае, если она позвонит. А пока вопрос открытый, по крайней мере, для него.

Он нарочно не спешил уехать, сидел в своей колымаге, наблюдая в зеркало за Наташей. Видел, с какой тревогой смотрела она то на него, то на стремительно приближающуюся «девятку». Не дожидаясь, пока он уедет, девушка быстро пошла.

«Хотел бы я знать, кто в той машине? Брат? Сват? Родители? А может строгий ревнивец любовник? Или ротозей муж, выпускающий такое сокровище без сопровождения? Тогда дело обстоит сложнее. Ну да я особенно не напрашиваюсь. Захочет, позвонит. А не позвонит, стало быть, я ей не интересен. Женщин никогда не поймешь», – Стас не стал раскисать по этому поводу, во всем полагаясь на судьбу. И не стал дожидаться, пока серая «девятка» остановится возле красотки. В конце концов, какое ему до всего этого дело.

Мотор у его старенькой «трешки» завелся сразу. И уже набрав скорость, бросив короткий взгляд в зеркало заднего вида, Стас увидел, как «девятка» остановилась возле самой кромки тротуара, где ее поджидала Наташа.

5

Кирилл издали увидел Наташу стоявшую возле бежевой «трешки». Она о чем-то разговаривала с высоким, крепким на вид парнем. Не понравился тот Кириллу. Интуиция подсказывала, не из простых он. Хотя и на крутого не очень смахивает. В его глазах была заметна настырность, которую Кирилл ненавидел в людях. Такие прут до конца. Даже пуля их не остановит.

Рядом с Кириллом сидел длинноволосый, очкастый парень по кличке Коваль. Он тоже глянул на Наташу и несколько ревностно проговорил:

– Не фига себе! Натаха с каким-то фраером базарит. – Говоря так, он хотел на этот счет узнать мнение Кирилла. Но тот отнесся к сказанному очкариком на удивление спокойно.

– Ладно не парься. Сейчас узнаем, кого это там наша красавица прикадривает, – сдержанно ответил Кирилл и резко крутанул руль.

Машину бросило вправо к обочине. Она едва не перескочила бордюр и чуть не ткнулась девушке в колени. Наташа среагировала моментально и успела отскочить, а Кирилл довольный своей не совсем удачной шутке, расхохотался.

– Охренел что ли совсем? Чего делаешь? – обозлилась на него Наташа. Из всех парней Кирилл был сейчас ей отвратительней всех.

– Это проверка на реакцию. Чтобы ты была в полной готовности. Я уже предупреждал тебя. Никогда не расслабляйся на улице, – смеясь, ответил он Наташе.

Коваль молчал. Он не очень одобрял то, что сотворил сейчас его друг Кирилл. Ведь тот по своей дури запросто мог сломать Наташе ноги. А зачем тогда им она без ног. Шутки у друга Кирюхи порой дерьмовые. Клинит его иной раз, и хорошо клинит, вот как сейчас.

Только сам Кирилл так не думал.

– Испугалась? – взглянув в побледневшее лицо своей подруги, несколько озабоченно спросил он, намереваясь чмокнуть Наташу в щеку. Но девушка посмотрела на него с обидой и отвернулась.

– Ну ты чего, обиделась? Наташа...

– А как ты думаешь? – Наташа глянула на бежевую «трешку» успевшую свернуть на Хорошевское шоссе и затеряться в потоке машин. Потом покосилась на Ковалья, вальяжно развалившегося на сиденье с бутылкой пива в руке.

Коваль успел перехватить взгляд Наташи и устоялся на перекресток, где только что повернула «трешка». Причем, глядел не просто. В его взгляде угадывалась подозрительность. Наташа всегда считала, по хитрости Кирилл уступал Ковалю. Даже сейчас, Кирилл вел себя так, словно забыл про того типа, с кем пару минут назад трепалась Наташа. Может, просто не придавал значения. Но Коваль не забудет. Он не из таких.

«Ну и засранец! – подумала Наташа про Ковалья. – Такого не проведешь. Вон как пялится, урод. Уже что-то скумекал. Теперь будет подзуживать Кирилла, гад, чтобы тот до меня доклепался».

Понимая, что он и в самом деле немного перебрал с шуткой, Кирилл сказал примирительно:

– Наташа, ну не сердись, – в голосе как будто зазвучала просьба и суть ее сводилась к тому, чтобы убедить Наташу, что с ней ничего трагического произойти не могло. – У моей машины тормоза – зверь. Еще никогда не подводили. Поэтому все было просчитано, – добавил он.

– Ну, а вдруг бы на этот раз подвели? – высказала Наташа укор, понимая, что дуться на придурка Кирилла ей бессмысленно. Все равно им придется ладить. – Знаешь, что, доро-

гой, постарайся больше на мне их не проверять. Для этого есть другие, более подходящие кандидатуры, – едва заметно она кивнула на Ковалю. Думала он не заметит, но ошиблась.

Коваль презрительно хмыкнул, испытывая к Наташе неприязнь за недостаток внимания с ее стороны к его персоне.

– Не фига себе, – откровенно возмутился он. – Что за наезды? – и тут же хитрющий Коваль перешел в нападение, решив вбить клин в отношения между Наташей и Кириллом. – Ты лучше скажи нам, кто это с тобой тут базарил? Что за кент? – спросил он, придерживаясь умысла во что бы то не стало поссорить Наташу с Кириллом.

Наташа одарила Ковалю злющим ненавистным взглядом. Как никогда захотелось послать Ковалю к черту. Тоже нашелся, согляддай. Кирилл словом не обмолвился, а этому все знать надо. Тут же Наташа посмотрела на Кирилла и поняла, что тот тоже не прочь услышать от нее объяснений, а стало быть она должна ответить, сейчас, немедленно, чтобы не вызвать подозрений. Ведь Кирилл запрещал ей заводить шашни на стороне и с кем-либо знакомиться. Хотя с другой стороны, опасаться ей нечего. И разве можно ее встречу со Стасом назвать знакомством. Она совершенно не знает его. Кто он такой, чем занимается. И вряд ли он может быть опасен для них. Он всего лишь человек, которого она встретила случайно. Про номер телефона, который ей назвал Стас, решила молчать. Не хотела, чтобы у Стаса из-за нее появились проблемы. Зная характер Кирилла и натуру Ковалю, не сомневалась, что они могут быть.

– Я того парня не знаю, – заявила она.

– А чего ж тогда трепалась с ним? – не унимался Коваль, доставая ее своими вопросами.

– Да ничего я не трепалась, – заговорила Наташа с обидой в голосе. Вот привязался Коваль. И Кирилл тоже хорош. Стоит, уши развесил.

– Я гуляла с котенком. Он бегал по газону за бабочкой, а потом выскочил на дорогу. А этот парень ехал и чуть не задавил его. Вот и все, – Наташа посмотрела на свое пушистое сокровище, успевшее задремать у нее на руках.

– А точно все? – оскалился подлый Коваль в улыбке. Наташе захотелось расцарапать ему рожу. Прямо до крови.

– Жаль, что тот кент не раздавил этого мерзавца, – сказал Кирилл. Он был настроен враждебно по отношению к котенку. И для этого у него была веская причина. Не далее, как пару дней назад, Наташин любимец справил малую нужду в один из новых ботинок Кирилла. Тогда Кирилл хотел выбросить мерзавца в окно, но за него вступилась Наташа. Котенок остался жив, но появилась договоренность, что в случае повторения подобной пакости, жизнь его будет решена мгновенно. И плевать Кириллу на триста долларов, потраченных за него на рынке. Да Кирилл еще бы приплатил сотню «зелени», лишь бы избавиться от когтистого негодяя.

– Кирилл, как ты можешь такое говорить про живое существо, – возмутилась Наташа, пытаясь пристыдить своего приятеля. Но Кирилл не разделял ее возмущения. Сказал резко:

– А как еще говорить? Эта тварь гадит по всей квартире. Угол нового дивана ободрал. Коготки он, видишь ли, точит. Купила игрушку.

– Представь, купила. Мне, может быть, хочется с ним играть.

Кирилл понял, переубедить ему Наташу ни за что не удастся, только махнул рукой и сказал:

– Садись в машину. Дело есть.

– Но я хотела котенка отнести домой. Он голодный... – Наташа посмотрела в глаза Кириллу и осеклась. Решила не злить его.

– Слушай, мне ведь плевать на твоего зяблика. И прекрати выступать. А то я его выкину прямо сейчас на дорогу. Садись, говорю! – прозвучало угрожающе.

Коваль слащаво улыбнулся Наташе и открыл заднюю дверь.

Наташа села, даже не взглянув на Ковалья. Не хотела видеть его улыбающуюся рожу. Нашелся угодник. И перед Кириллом лебезит и Наташе старается угодить, а в душе – обыкновенный иуда.

Когда Кирилл вышел из машины, купить сигарет, Коваль обернулся к Наташе и доверительно заговорил:

– Не расстраивайся. Я поговорю с Кириллом насчет котенка.

Наташа отреагировала несколько с раздражением. Никогда не нуждалась в заступниках. Особенно таких продажных.

– Спасибо, не надо. Свои проблемы я улажу сама, – сказала девушка и тут же спросила: – Ты лучше скажи, что за дело?

Коваль упрямо замотал головой. Он решил не забегать вперед паровоза и проговорил, тоном словно речь шла о великой тайне:

– Не спеши. Подожди. Сейчас Кирюха придет и все тебе расскажет.

Наташа постаралась показать безразличие, отвернулась к боковому стеклу и, поглаживая острым коготком дремавшему котенку за ухом, скучным взглядом осматривала прогуливавшихся возле сквера людей. Почему-то сейчас, как никогда ей захотелось вот так же сидеть на лавочке, или идти по этому тротуару, возле которого на газоне уже распустились первые садовые ромашки. Идти и никуда не спешить и ни о чем не думать. Вообще, ни о чем. И пусть вся жизнь с ее привычной суетой пронесется мимо. Пусть спешит тот, кто хочет везде и всюду успеть. А Наташа бы хотела жить тихо и спокойно. Только, не с Кириллом. С этим она уже определилась. Для жизни ей нужен другой человек. Более надежный и чтобы любил ее по-настоящему.

«Может, в самом деле, позвонить Стасу. Раз обещала. Набраться наглости и позвонить», – думала она, оправдывая такое решение тем, что в ее отсутствие Кирилл непременно выбросит котенка. Ему плевать на все ее просьбы: и на то, что за него уплачено триста баксов и на то, что этот котенок ее единственная радость в жизни. Кирилл жестокий безжалостный и бесчувственный человек. С ним просто невозможно. Но ничего. Когда-нибудь он еще пожалеет о том, что был несправедлив к Наташе.

Увидев, что Наташа о чем-то призадумалась, Коваль поспешил успокоить:

– Да ты особо не переживай. Там – фигня и никакого напряжения. Сейчас Кирюха тебе выложит все.

Наташа кивнула. «Кирюха! Без Кирюхи никуда. Интересно, что он придумал на этот раз», – пришла на ум язвительная мыслишка, и губы девушки растянулись в неприятной усмешке.

6

Проходя по коридору мимо кабинета, в котором размещались эксперты криминалисты, Стас чуть не столкнулся с Тутминым. Криминалист открыл дверь и успел сделать всего лишь шаг, как на него едва не налетел Кручинин.

Получилось так, Стас быстро шел по коридору и загляделся в окно на внутреннюю часть служебного двора. Там возле вольеров с собаками стояли несколько оперов и с ними начальник хозчасти как всегда с красным лицом. Говорили, раньше их ответственный за хозяйственную деятельность РУБОПА капитан Гаврилин работал прорабом на стройке и пил там безбожно, за что и был уволен. Но так, как находился в дальнем родстве с начальником РУБОПА полковником Рокотовым, то сразу же перебрался в управление на непростую должность начальника по хозяйственной части, но пить так и не бросил. Хотя неоднократно пытался это сделать. И когда не пил, был очень злой не находя себе места.

Похоже, и сейчас завхозу, как называли Гаврилина за глаза, с утра еще ничего не перепало. Он был чем-то страшно возмущен и разговаривая с операми, не стеснялся в выражениях, остервенело жестикулировать руками перед лицами стоящих рядом сотрудников. Заглядевшись на завхоза, Стас слишком поздно обратил внимания, как открылась дверь, и в коридор вылетел вечно куда-то спешащий капитан Тутмин.

Стас скользнул каблуками по линолеуму, слегка толкнув чересчур серьезного криминалиста, а тот не упустил возможность и сделал замечание:

– Станислав, смотреть надо под ноги, а не по сторонам.

Замечание оказалось справедливым. Стас почувствовал, что в спешке, умудрился своим правым грязным ботинком наступить Тутмину на носок нового лакированного туфля. И начальник криминалистов даже поморщился, то ли от досады, то ли от внезапной боли, по случаю придавленного пальца.

– Извини, Володь. Отвлекся малость, – виновато сказал Кручинин. Но криминалисту легче от этого не стало.

– Вот именно, отвлекся! – подчеркнуто сказал он и, разочарованно глянув на грязный отпечаток на туфле, добавил: – А на работе отвлекаться нельзя. На работе, между прочим, люди работать должны, а не по сторонам глазеть. Женщину там, что ли голую увидел?

– Если бы. Да только откуда тут голые женщины? – вздохнул Стас.

– Ну вот и я про то же. Тогда, какой смысл бежать по коридору и тарашиться в окно, – Тутмин расстроено уставился на грязный отпечаток оставленный Кручининским ботинком.

Стас заметил это, быстро выхватил из кармана пиджака носовой платок.

– Владимир Владимирович, не переживайте по поводу моей нерасторопности. Сейчас я все поправлю. Ну, стоит ли огорчаться, – он наклонился и своим носовым платком вытер пятно на носке лакированного туфля Тутмина.

Главный криминалист растерянно поглядел по сторонам. Не хватало, чтобы эту сцену случайно увидел полковник Рокотов. Будет тогда им обоим. Кручинину что, он привык получать выговора и замечания. А вот ему Тутмину есть чего беспокоиться. На очереди очередное повышение в звании.

– Стас, немедленно прекрати ломать комедию, – завизжал Тутмин и заскочил назад в свой кабинет. Назойливый оперативник ввалился следом, держа испачканный носовой платок в руке.

– Нет, уважаемый Владимир Владимирович. Я хочу искупить свою вину до конца, а потому готов стереть пыль и со второго туфля.

– Отстань. Отвяжись. Слышишь, Стас? Шут ты гороховый! Кому говорю, отвяжись, – опять завизжал Тутмин, видя, что Кручинин готов выполнить свое обещание. Невысокого

роста коренастый капитан Тутмин, вдруг сделался агрессивным и принял оборонительную позу, угрожая пнуть Кручинина ногой.

– Проваливай из моего кабинета, Стас. Иди, куда шел и не мешай занятым людям работать. Мне сейчас не до твоих шуточек. Занят я.

– Бог с вами, Владимир, свет Владимирович. Я и нисколько не шучу.

– Ты хотя бы понимаешь, что мне сейчас не до тебя? – укор был справедливым, потому что Тутмину велели срочно подготовить отчет о проделанной работе за истекший месяц. Только, что до этого настырному капитану Кручинину. Не пробиваемый он.

Держа испачканный платок в вытянутой руке, Стас плюхнулся на стул, демонстративно давая понять, что пока уходить не собирается из этого кабинета.

Тутмин уже понял свою оплошность. Нужно было не возвращаться в свой кабинет и ни в коем случае не впускать сюда этого наглеца. А теперь попробуй, выгони его. Сил не хватит. Криминалист рассерженно надул щеки, отчего его круглая мордашка сделалась похожей на спелую, румяную грушу. Потом криминалист выдохнул скопившийся во рту воздух и с нескрываемым недовольством спросил:

– Скажи, что тебе от меня надо? Чего ты приперся? Отвратительный человек, видеть которого я не хочу.

Стас не обиделся. Он был не из таких. Да и зашел он к Тутмину по очень важному делу. И пока не закончит его, не уйдет.

– Я приперся не просто так, а поговорить. Решай, – предложил Кручинин компромисс. – Или ты мне уделишь три минуты, или...

Продолжать и объяснять, что за этим последует, не пришлось.

– Хорошо, – сразу согласился Тутмин на первый вариант и спросил: – О чем ты хотел поговорить? Давай. Стас, только умоляю, короче. У меня действительно нет времени.

– Постараюсь, – с ходу пообещал Кручинин, для себя определившись, из этого кабинета не уйдет до тех пор, пока не выяснит то, зачем пришел. И только от искренности криминалиста Тутмина зависит, сколько Стасу здесь торчать.

– Мне нужны твои разъяснения как специалиста криминалистики, – сказал Кручинин, поигрывая в руке платочком.

Тутмин хотя и был польщен тем, что Кручинин так отзывается о нем, но сейчас испустил протяжный вздох, достал из кармана пачку сигарет и только после этого сел на стул рядом. Закинул ногу на ногу.

– Гад ты последний. Понимаешь? Ладно, черт с тобой! Спрашивай, чего хотел. От тебя видно все равно просто так не отделаешься, – он закурил. Но Стасу принципиально предлагать сигарету не стал. Пусть курит в своем кабинете. А Стас и не обиделся. Подвинулся ближе и спросил тихонько:

– Скажи, Володь, ты, когда осматривал наш кабинет, ничего такого не обнаружил?..

– Ты имеешь в виду – следы, указывающие на состав преступления?

– Ну, допустим, да, – кивнул Кручинин.

– Видишь ли, когда меня вызвали, в вашем кабинете уже и Алексеев был. И половина всех сотрудников РУБОПА. В такой мути найти что-то интересующее трудно. Понимаешь, о чем я? – Тутмин не договорил, но Стас понял, о чем речь, кивнул.

– Понимаю.

– Ну, вот и молодец. Там тогда уже так потоптались, что вообще можно было ничего не осматривать, кроме самого Голикова. Вот за него, кажется, еще никто не успел схватиться. Так и лежал бедняга на боку.

Кручинин посмотрел на фото пленки, повешенные для просушки.

– Кстати, знаешь, – сказал он Тутмину. – Мне показалось довольно странным... Смотри. Ведь в момент выстрела Голиков сидел за столом. Так?

– Скорее всего, – охотно согласился с этим рассуждением оперативника Тутмин, пока не понимая, к чему тот клонит.

– Вот, – по лицу Стаса несложно было догадаться о нахлынувшей радости. Как будто он один знал что-то такое, о чем никто другой и подозревать не мог. И теперь добряк Кручинин готов поделиться этим с криминалистом Тутминым.

– О чем ты, Стас? Выражайся яснее, – предложил Тутмин.

– Хорошо. – Первым делом Кручинин запустил свой носовой платок в урну, потом подошел к столу, сел на свободный стул. Придвинувшись поближе, достал из кобуры пистолет.

Тутмин отшатнулся.

– Стас, с ума сошел? Поаккуратней с оружием. Здесь тебе не тир.

– Да не бойся ты. Я еще не сдвинулся умом, – заверил Стас. – Я просто хочу тебе показать, как все могло происходить. По этому поводу я много думал. Вот смотри, – Стас вытащил обойму с патронами, убрал в наружный карман пиджака, потом взвел курок и поднес пистолет к груди, к сердцу. – Он сидел вот так. Да?

Вживаясь в роль наблюдателя, криминалист с интересом смотрел за всем, что делал Стас Кручинин.

– Ну, вероятно, так, – ответил Тутмин, ожидая продолжения. Пока ход рассуждений опера его во всем устраивал. Только на всякий случай Тутмин решил отойти на пару шагов в сторону. Придурок, этот Кручинин. От такого чего хочешь можно ожидать. Вдруг в стволе остался патрон?

А Стас продолжил.

– Вот так Голиков сидел. Он ведь не сразу нажал на курок. Какое-то время сидел, наверное, думал об этом.

– Пожалуй, – вынужденно согласился Тутмин. Не понятно почему, но ему вдруг это представление стало неприятным. И он поспешил его закончить, сказав Кручинину:

– Ладно, Стас. Заканчивай со своим экспериментом. Этим делом занимается прокуратура. Хочешь, иди к ним и там все это показывай. А с меня хватит.

– Подожди. Я понять хочу, что заставило Голикова пойти на такое. Пуля в сердце. Всякий нормальный самоубийца знает, что стреляться лучше в рот, зажав ствол зубами и направив его в небо. Тогда уж наверняка. А так ведь он мог себя только ранить. Ты думаешь, Володька об этом не знал? Знал. Он ведь был опытным оперативником. И в таких тонкостях разбирался хорошо.

Капитан Тутмин сидел с кислым лицом, сминая в руке недокуренную сигарету.

– Знаешь, – сказал он, взглянув Стасу в глаза, как бы лишний раз, желая убедиться в искренности того, что он здесь наговорил. – Я читал заключение патологоанатома. После выстрела он еще был жив, по меньшей мере, минут пять.

Стас на минуту закрыл глаза, представляя в каких муках, провел Володька Голиков оставшиеся минуты своей жизни. Картина получалась ужасной.

– Заключение – это только одна несуразица, – сказал Стас, уставившись на Тутмина.

– А что, есть еще и другая? – поспешил спросить криминалист. В РУБОПЕ все знали о дружбе двух оперативников: Голикова и Кручинина.

И Тутмин знал. Но по-человечески жалел сейчас не Голикова, а Стаса Кручинина. Ведь только вчера, Алексеев сообщил, что дело в прокуратуре закрыли, посчитав смерть оперативника следствием неосторожного обращения с оружием. Ну, чего еще Стасу надо? Не понравится начальству его рвение.

– Вот другая несуразица. Смотри сюда, – сказал Стас. И Тутмин понял, что сейчас произойдет. Даже немного напрягся. « Неужели этот придурок не остановится и будет продолжать», – подумал Тутмин, не сводя глаз с пистолета. Не выстрелил бы.

В кабинете сделалось тихо. И вдруг в этой тишине раздался довольно громкий металлический щелчок. Криминалист инстинктивно отшатнулся спиной к стене.

Хорошо, что патрона в стволе не оказалось. Но это не помешало Стасу добросовестно доиграть свою роль. Он вздрогнул, будто пуля пробила ему сердце, выкатил глаза от невыносимой боли и вдруг грохнулся на пол как будто и в самом деле был убит.

Пистолет выпал из руки.

Тутмин вытаращил глаза. Такого от Стаса не ожидал. Не хватало, чтобы он тут вытирал пол своим пиджаком. А может ему, в натуре плохо стало?

– Стас? Ты чего? Вставай.

Лежа на полу, Кручинин открыл глаза.

– Ты сюда смотри, на пистолет. Видишь, где он? Согласись, при падении, Голиков должен был выронить его. Ты же сам сказал, он умер не сразу. Зачем ему держать ствол в руке?

– Вообще-то верно, – закусил губу эксперт, осматривая лежащего Кручинина профессиональным взглядом. Что ни говори, а в артистичности Кручинину не откажешь. Даже позу такую же принял, как капитан Голиков. И не пожалел, вполне приличный костюм, вытер им в кабинете пол.

– Стас, хватит валяться. Вставай, придурок, – не выдержал Тутмин, порядком устав от этого представления. – Прекрати. Прошу тебя.

Кручинин отреагировал на просьбу, встал.

– Ну, что скажешь? – спросил он, отряхая пиджак.

– А то и скажу. В театр тебе надо было идти работать, а не оперативником в РУБОП. И вообще, вали из моего кабинета.

– Да погоди ты, Володь. Я хочу услышать твое мнение. Иначе не уйду. И не надейся. Так что лучше давай, говори.

– Ну, допустим ты прав. Я говорю, допустим, – сделал криминалист ударение на окончании фразы, увидев, что Стас опять раскрыл рот и собирается заговорить. – Тут надо еще понять вот что: Голиков после выстрела был в таком состоянии, что не думал о пистолете. Не до него ему было.

– Он должен был его выронить из руки при падении со стула, – упрямо стоял на своем Стас. И Тутмин понял, разуверить, переубедить его опера не удастся. Даже позавидовал его упорству. Такой не перед чем не остановится. И подозрения его справедливы, но лучше об них не распространяться. Жаль Кручинин, не хочет этого понять. Тупица.

– Ладно, Стас. Для начала ты успокойся.

– Да я спокоен. Просто хочу услышать твое мнение?

Тутмин упорно отмалчивался.

– Володя, ты же давно работаешь криминалистом. Тебя совесть замучает потом. По ночам спать не будешь. Я же тебя знаю.

И Тутмин не выдержал. Покосившись на дверь, заговорил тихо:

– Не дави только на психику. Ну, допустим, я тоже не верю в самоубийство. Ну и что? Что от этого изменится? Воскресишь что ли Голикова? Нет. А себе навредить можешь. Вот я...

– А что ты? – не понял Стас.

– А то. Ты знаешь, сколько мне лет?

– Да... – Стас замялся, потому что точного возраста Тутмина не знал. Да, наверное, и не он один. У них в РУБОПЕ молодые оперативники относились к нему как к себе равному по возрасту.

– Не ломай голову. Мне уже сорок шесть. Понимаешь, к чему я? Все мои одногодки уже по званию не ниже подпола. А я все капитан. А знаешь, почему? Потому что старался

все делать по совести. И вот к чему это привело, – кивнул Тутмин на вешалку, где висел его капитанский мундир. Так что советую тебе не повторять мои ошибки.

– Володь, – сказал Стас после долгого молчания, – не говори никому о нашем разговоре, – попросил Стас.

– Об этом можно было не просить, – сказал криминалист и посчитал своим долгом предостеречь молодого опера: – Мой тебе совет, Стас. Не лезь ты в это дерьмо. Нечисто тут все. Слышал? Завхоз сегодня обнаружил, что замок на двери запасного выхода сломан.

– Как это? – удивился Стас.

– А вот так. Кто-то, для чего-то воспользовался запасным выходом, чтобы выйти из управления, и не попасться на глаза постовому, дежурившему на центральном входе. Я думал ты в курсе.

– Да нет. Я слышал, – соврал Кручинин, стыдясь за свою неосведомленность.

Тутмин позлорадствовал.

– А ты оказывается, хреновый опер. Раз не знаешь таких пустяков.

– Да уж, какой есть, – парировал Кручинин нападение криминалиста. Мог бы сейчас сказать Тутмину тоже что-нибудь такое, что, безусловно, не понравилось бы тому. Но не время сейчас для подобных счетов. Только вот криминалист так не думал.

– И платок свой носовой выкинул... – вспомнил главный криминалист обиду. Хотя сам платок сейчас вообще не интересовал Тутмина. Важен жест. Прогнулся перед ним опер, обтер туфли. Тутмин услугу оценил по-своему.

– Знаешь, плевать мне на платок. Я в него уже три раза высморкался. Ему самое место в урне, – ответил Стас, нисколько не смущаясь. А Тутмин чуть не набросился на него с кулаками.

– Ах ты, гад, Кручинин! Сопливым платком мне по новым туфлям...

До потасовки дело не дошло. Стас вдруг покосился на дверь и поднес палец к губам, сделав тем самым Тутмину знак, чтобы помолчал.

– Возле двери кто-то стоит, – шепнул Стас и на цыпочках подошел к двери и резко открыл ее.

Человек, стоящий за дверью, отлетел в коридор. Теперь и Тутмин и Кручинин увидели лейтенанта Лугина, который ударился головой в висевший на стене стенд по гражданской обороне. А Тутмин весь свой гнев, предназначавшийся Стасу, теперь выплеснул на Лугина.

– Ты чего тут под дверью стоишь? Делать что ли нечего?

Вопрос застал лейтенанта врасплох.

– Да я войти хотел... – не слишком уверенно произнес Лугин, теряясь под напором криминалиста, который имел к нему самые серьезные претензии. – Почему тогда сразу не вошел? Торчишь возле дверей, подслушиваешь. – Тутмину страшно хотелось как следует отшлепать юнца, чтобы тот навсегда изжил нехорошую привычку подсматривать и подслушивать. У них в РУБОПЕ такое не проходит. И лейтенанту это надо знать.

Лугин стоял как оплеванный, не знал, куда глаза девать. Опустил взгляд вниз и увидел в руке у Кручинина пистолет.

– Я услышал у вас в кабинете шум. Подумал, может у вас там разговор на повышенных тонах. Стас, а чего это ты с пистолетом? И костюм у тебя испачканный... – в голосе лейтенанта было столько удивления, что Кручинин разозлился. Прав Тутмин, не стоило Лугину тут торчать.

– Слушай, Саша. У тебя, что других дел нет, как греть уши возле кабинета криминалиста. Если мне не изменяет память, ты должен был работать с Зорькиным по убийству? Его я не вижу, а ты почему-то тут крутишься? – произнесено это было с нескрываемым упреком. Так вообще-то молодой лейтенант, парень старательный и по работе у него нареканий не было. Но сейчас капитан был недоволен своим подчиненным.

Понимая, что в этой разборке он не участник, Тутмин быстро запер на ключ дверь кабинета и резво поскакал по коридору. Вдруг этому Кручинину понадобится еще что-нибудь. Тогда назойливый оперативник и вовсе не отвяжется.

А провинившийся лейтенант Лугин, должен был держать ответ.

– Стас, не ругайся. Я был с Зорькиным. Мы вместе работали. Но потом он велел мне ехать в отдел. Сказал, что все там сделает сам, – попробовал оправдаться Лугин. Сейчас во что бы то ни стало, нужно было развеять подозрения Кручинина, по поводу чрезмерного любопытства. Ну, в самом деле, не скажешь же, что это поручение майора Алексеева. Велел он присмотреть за капитаном и молодой лейтенант не сумел отказать начальнику отдела.

– Вот что, позвони, узнай где Зорькин и возвращайся к нему, – сказал Кручинин, желая поскорее избавиться от Лугина. Не хотелось, чтобы он крутился под ногами.

– А можно я с тобой?

– Нет, не можно. Если мне понадобится помощь, я дам тебе поручение. А сейчас иди, не мешайся. – Кручинин пошел по коридору. Лугин обиженно надулся.

* * *

Стас спустился на первый этаж и заглянул в конец коридора. Чтобы выйти из управления внутренних дел на улицу, надо пройти мимо дежурной части, или здесь в конце коридора свернуть в темный закуток и воспользоваться дверью запасного выхода. Но эта дверь всегда заперта. Ключ от нее висит у дежурного. Если ее отпереть, окажешься на задней части двора, где размещается гараж и вольер с собаками. И чтобы окончательно покинуть территорию управления, тогда еще нужно преодолеть трехметровый забор. Правда, с внутренней части двора, это не проблема. Возле гаража валяется куча досок. Бери любую, подставляй к забору и перелезай. И тот, кто выломал замок на двери запасного выхода, хорошо знал об этом. А стало быть, это не посторонний человек. Одно оставалось для Кручинина не понятным, как так получилось, что из дежурки не слышали, когда ломали дверь? Ночью в пустом здании слышимость превосходная.

Стас посветил зажигалкой возле двери. Сразу видно, замок оказался довольно прочным и тому, кто задумал осуществить это дело, пришлось воспользоваться ломом с пожарного щита, находящегося здесь же рядом со здоровенным ящиком с песком.

Этот факт заинтересовал Кручинина. Пришла мыслишка связать его со смертью капитана Голикова. «А что, если Голиков не сам пустил пулю? А кто-то другой за него сделал это дело и вышел через дверь? Еще вечером Голиков был жив. Неужели убийца пришел в управление днем и до ночи сидел тут в темном закутке под лестницей? А как же дверь? Какая-то каша получается. Выходит кто-то из наших оперов причастен к гибели Володьки. Такую версию можно считать вполне подходящей, если все как следует обыграть», – с этими мыслями Кручинин вышел во двор, где завхоз все еще размахивал руками, не стесняясь в выражениях. Он крыл всех, кого только можно. И дежурных офицеров, водителей, постовых милиционеров. Не тронутым остался только начальник управления, полковник Рокотов, которому краснолицый завхоз пригрозил подать докладную по поводу случившегося хулиганства. Впрочем, подобная угроза была офицерам до фонаря, и они откровенно подтрунивали над завхозом.

Кручинин подошел.

– А когда произошло сие надругательство над дверью? – спросил Стас, относясь ко всему, о чем говорил Гаврилин, очень внимательно, чем сразу расположил к себе краснолицего завхоза.

– Точно сказать не берусь, – Гаврилин призадумался. – Думаю дня четыре назад. Потому что в понедельник мы только с пожарником проверяли огнетушители. Дверь была не сломана. А сегодня у нас чего?

– Суббота, – ответил Стас, немного отстранившись от завхоза, от которого потянуло вчерашним перегаром.

– Ну вот, я и говорю, в какой-то из этих дней, – подытожил завхоз.

– Интересная картина получается, – задумчиво произнес Кручинин, посмотрел в одно из окон коридора, где размещался отдел РУБОПА. В окне он увидел лейтенанта Лугина. Тот стоял на том самом месте, где они расстались, возле кабинета криминалиста, и с явным интересом наблюдал за всем, что происходило во дворе.

«А ведь не просто Алексеев подселил ко мне этого паренька. Кажется, он за мной шпионит», – догадался Кручинин. Конечно, хотелось бы в это не верить. Но тот интерес, который проявлял Лугин, говорил об обратном.

Ближе к вечеру Стасу по внутреннему телефону позвонил майор Алексеев. Из допотопного аппарата послышался надтреснутый чуть захлебывающийся звонок. У Стаса не было желания снимать трубку. Показалось подозрительным, что оставшуюся половину дня лейтенант Лугин в кабинете не показывался.

«Небось настучал на меня Алексееву и смылся», – решил капитан, заранее предугадывая, о чем пойдет разговор.

– Садись, – сказал Алексеев, когда Кручинин вошел в его кабинет.

– У тебя сейчас, сколько материалов на исполнении? – спросил Алексеев несколько официальным тоном, что лишний раз навело Кручинина на мысль об амбициозной позиции, которую занял по отношению к нему начальник отдела.

«С каких, это пор, он так ко мне отрицательно настроен?», – спросил себя Стас, вспоминая, что совсем недавно отношение Алексеева было совсем другим. Намного лучше. Конечно, лучше бы об этом спросить самого майора Алексеева. Только вряд ли он даст откровенный ответ. У него наверняка заготовлено сто отговорок.

– Сейчас у меня два материала, – ответил Стас, понимая, что вряд ли угодил начальнику. С другой стороны, можно было и не спрашивать. Начальник должен быть в курсе таких пустяковых вопросов, иначе грош цена ему. Так к чему тогда этот разговор заводить? Желание, поставить подчиненного на место? Стас посчитал эту мысль наиболее подходящей. А Алексеев, сдерживая себя от грубости, сказал:

– Вот видишь. Два материала. И за каждым из них человеческие судьбы. А ты?..

– А что я? – пока Стас не понимал, на что майор давит. По обоим материалам полным ходом идет работа. Только и Алексееву не мешало бы помнить: два человека из группы Стаса находятся в отпуске. И основную часть рутинной работы приходится выполнять ему и капитану Зорькину. Лейтенант Лугин пока, что называется, на подхвате. Молодой он и опыта недостаточно.

– Нельзя ли пояснее? – попросил капитан Кручинин.

Майор Алексеев криво усмехнулся.

– Да уж куда яснее? Только баран не поймет.

– Значит я такой. И все-таки требую ясности. – Стас решил не отступать, чтобы расставить все точки. Если что-то Алексеева не устраивает, пусть скажет прямо в глаза, а не намеками.

– Да все ты понимаешь, – сказал майор раздраженно и махнул рукой, чтобы Стас не продолжал. Подошел и поплотнее прикрыл дверь, потом спросил, теряя терпение:

– Кто тебя уполномочил вести расследование по факту гибели капитана Голикова?

– Вон ты о чем, – Стас улыбнулся, понимая причину такого неприязненного отношения к себе. – Да я и не веду никакого расследования, – сказал и вспомнил, как Лугин про-

стаивал под дверью криминалиста Тутмина. «Вот щенок. Наверняка его работа. Успел уже настучать».

– Нет, ты ведешь! – майор ткнул пальцем в пространство по направлению к Стасу. – Чего ты Тутмина пытаешь? Пристаешь к нему?

– Ничего я его и не пытаю, – обиделся Стас, тут же решив сделать Алексееву уступку, сказал: – Ну, посидели, поговорили. Какая же это пытка?

– Поговорили? А пистолетом, зачем в его кабинете размахивал? Скажи, что ты хочешь узнать такого, чего не знаю я? Отвечай!

Теперь уже было не до улыбок. Стас пожал плечами. Но времени на размышления у него не было. Алексеев грозно уставился на него.

– Да, в общем-то, ничего такого. За исключением некоторых разъяснений.

– Разъяснения тебе нужны?

Стасу показалось, что сейчас Алексеев соорудит из своих толстых пальцев кукиш и поднесет к его лицу. Но такого не произошло. Лицо бравого майора потеряло всякую пронизательность, и Стас теперь по нему ничего не мог прочитать. Алексеев пару минут молчал, а потом заговорил уже менее запальчиво. Словно очень хотел, чтобы все, о чем он говорил, дошло до Стаса. А для этого совсем не обязательно повышать голос. Главное выразиться доходчиво.

– А знаешь ли ты, упрямец, что прокуратура и особисты пришли к единому заключению – Голиков погиб вследствие неосторожного обращения с оружием. Заметь, это уже классифицируется не как самоубийство. И его жена получит страховку. А ты ходишь, баламутишь. И пытаешься, выяснит такое, чего нет, и не было.

На это Стас ничего не ответил Алексееву. Мог бы найти пару, тройку веских, обоснованных возражений. Но нужны ли они сейчас Алексееву? Вряд ли.

– Знаешь, – нарушил майор гробовое молчание, – мне тоже жаль Голикова. Но вернуть его мы уже все равно не сможем. Теперь главное, не сделать бы хуже.

– Кому? – Стас не удержался от вопроса.

– Хотя бы его семье, – скомкано ответил Алексеев. Но считать Стаса глупцом, было бы в высшей степени не справедливо. Он догадался о том подмысле, какой имел в виду Алексеев, но не решился о нем сказать в слух.

– Даже, если ты это будешь делать осторожно, все равно можешь навредить не только себе, но и всем нам. Подумай, Стас.

Никаких конкретных обещаний Кручинин давать не стал. Это было не в его правилах. Пообещал, подумать. И для Алексеева осталось до конца не ясным, сумел ли он убедить своего подчиненного. «Будет спокойней, если он всегда будет под контролем», – решил майор и по телефону вызвал к себе молодого лейтенанта.

– Глаз с него не спускай. Чуть что, сразу докладывай, – сказал Лугину.

7

Павел Егорович Помиранцев достал из холодильника запотевшую бутылку шампанского, поставил ее на салфетку и критично осмотрел искусно сервированный стол.

В молодости, в студенческую пору, Павлу Егоровичу сполна пришлось хлебнуть лиха и чтобы не голодовать, года два он подрабатывал в ресторане официантом. С жира не бесился, зато всегда был сытый и сумел благополучно доучиться в авиационном институте. Но задатки той, можно сказать случайной профессии, въелись в него на всю жизнь. Поэтому, на всех вечеринках, банкетах, сервировку стола Павел Егорович не доверял никому. Делал все сам, проявляя завидное умение, способное сразить самых изысканных гостей. И даже когда стал главой холдинга «Авиа модуль», всякое составление праздничных столов проходило под его непосредственным контролем.

По нынешним меркам при такой должности, Павел Егорович был вполне обеспеченным человеком. Два раза в год посещал лучшие европейские курорты и вообще, старался жить в гармонии с внутренними потребностями.

Романов с женщинами старался не заводить. Во-первых, возраст. Что ни говори, совсем недавно стукнуло шестьдесят. Конечно, для настоящего мужчины это еще не предел и Помиранцев чувствовал себя в прекрасной форме. Но после смерти жены решил на женщин не заглядываться. И уж тем более, упаси Бог, привести постороннюю женщину в дом и заняться с нею любовью на семейном ложе. И ни одной молоденькой красавице, которых было в «Авиа модуле» великое множество, еще не удалось соблазнить богатенького «папу». Так подчиненные называли своего главного шефа. Любовных связей на родном предприятии Павел Егорович просто опасался. Да и все окружавшие его молоденькие красавицы казались ему неисправимо испорченными, как больные, пораженные метастазой и не подлежащие никакому лечению. Нравы современных женщин и особенно их запросы, просто пугали старичка Помиранцева. Скрягой он себя не считал. Но чтобы вот так, взять и потратить на первую попавшуюся особу тысячу, другую баксов, это уж слишком.

В устоявшемся мнении Помиранцева, его избранница, если таковая попадет, должна быть не моложе двадцати пяти лет. Именно после этого возраста женщина набирается житейской мудрости. Ни в коем случае не избалованная деньгами чтоб ее не тянуло к роскоши. С такой бы Павел Егорович еще мог общаться.

Постепенно Помиранцев стал приходить к мысли, что остаток жизни ему придется коротать в томительном одиночестве, в своей роскошной четырех комнатной квартире. Перспектива мало завидная для любого мужчины.

Но вот ровно три недели назад в его офисе на Городковской улице раздался телефонный звонок, и очаровательный женский голосок попросил пригласить к трубке главу холдинга Помиранцева.

– Я слушаю, – несколько угрюмо ответил Павел Егорович, не располагавший желанием общаться, хотя голос той особы понравился ему. Даже показался мягким. Женщины, обладающие таким голосом, всегда нежны. Это Павел Егорович знал. Когда-то повезло ему. И с женой познакомился вот так по телефону. Было это все, да прошло. Сейчас он один.

– Это вас беспокоят из редакции журнала – «Крылья родины». Корреспондент Кузнецова. Когда я могу встретиться с вами, чтобы взять интервью? – ненавязчиво попросила работница редакции.

Сначала Павел Егорович хотел тактично отказать, сославшись на нехватку времени. Но уж очень корреспондентка хорошо просила, и Помиранцев подобрел. Да и почему бы не побеседовать.

– Хорошо, – согласился он и предложил: – А когда вам удобно? – спросил, оставляя выбор за просительницей, попутно стараясь вспомнить хоть что-то насчет журнала. Вроде, где-то видел такой, но точно не припомнил.

– А знаете что, давайте сегодня в шесть вечера, – предложила обходительная особа. И Помиранцев ей не отказал. В последнее время он печатался довольно много в разных изданиях. А, судя по названию, журнал специализируется по авиастроению. То, что нужно в целом для холдинга. Да и хорошая реклама в многотиражном журнале, а именно так представила свой журнал корреспондентка Нина Кузнецова, будет весьма кстати. Павел Егорович быстренько набросал на листе бумаги вопросы, которые посчитал необходимым отразить в своем интервью.

А ровно в оговоренное время порог кабинета переступила миловидная девушка лет двадцати шести в черных джинсах и белоснежной кофте с золотистыми перламутровыми пуговицами. Взгляд карих глаз заставил Помиранцева почувствовать себя лет на десять моложе. У нее была походка манекенщицы, которая шла по ковровой дорожке его кабинета как по подиуму, и, глядя на нее, Павлу Егоровичу захотелось вскочить со своего кожаного кресла и резво выбежать ей навстречу. Таких женщин встречают у дверей и ведут под белые руки. Но руководитель холдинга не смог позволить себе такого. Он с достоинством встал и галантно предложил даме стул.

– Прошу вас, присаживайтесь, – сказал он, разглядывая девушку.

Вместе со словами благодарности он получил улыбку, предназначавшуюся только ему. Кажется, старческие щеки покрылись едва заметным румянцем. Даже пристыдил себя: «Да что это я? Как мальчишка. Не хорошо в моем-то возрасте».

Вместо удостоверения, корреспондентка, показала Помиранцеву свою визитку. И после того, как Павел Егорович подержал ее в руках, засунула обратно в свою сумочку.

Но он успел прочитать ее фамилию, имя и отчество. На всякий случай, решил запомнить, чтобы потом справиться в редакции о ней.

Заглянув в свой листок с написанными вопросами, спросил:

– Итак, Нина Алексеевна, о чем вы собирались меня спросить?

Девушка смутилась. Отнимает время у занятого человека. Пришла, сидит тут и вместо того, чтобы задавать вопросы, обдаёт Помиранцева томным взглядом, проявляет симпатии.

– О многом, Павел Егорович. Прежде всего, мне хотелось бы кое-что узнать о вас. Вы меня интересуете, как личность. Как человек, способный управлять такой машиной, – корреспондентка указала рукой на карту городов, висевшую на стене, в которых находились дочерние предприятия холдинга.

Без ложной скромности глава холдинга сказал с улыбкой:

– Ну что ж. Если я вас так интересую, то я могу кое-что рассказать и о себе.

Девушка достала блокнот и приготовила авторучку.

– Очень, очень интересуете. Вопросов у меня много. Но давайте начнем... – она на минуту задумалась. – Начнем с личного.

В тот вечер Помиранцев много рассказывал о себе, наверное, даже больше, чем о самом холдинге, потому что никто и никогда не интересовался самим Помиранцевым так, как корреспондентка Нина. Это даже было трогательно, по крайней мере, для Павла Егоровича. Такая внимательность со стороны еще сравнительно молодой девушки, казалось бы, не познавшей жизнь так, как познал он, Павел Егорович Помиранцев.

Но как оказалось, у них есть кое-что общее – это одиночество, от которого каждый из них страдает. Есть работа, друзья, но ни у того, ни у другого нет человека, на которого можно опереться, когда становится невмоготу и доверить самое сокровенное. Ладно, Павел Егорович. Человек немолодой. В его возрасте, человеку ставшему вдовцом и глубоко скорбевшему по супруге, одиночество вполне объяснимо. Чужое горе никого не трогает, кроме

него. Но Нина? Она молодая, красивая и ей совсем необязательно замыкаться в себе. Павел Егорович решил сделать ей приятное и пригласил в ресторан поужинать. «Пусть развеется немного, повеселится», – подумал он, ничуть не сомневаясь, что корреспондентка от его предложения не откажется. И Нина не отказалась.

Они поехали в ресторан «Славутич». На этот раз Павел Егорович изменил привычке и право выбора блюд предоставил своей очаровательной спутнице. Заметив с какой завистью мужики смотрят на девушку и на него, почувствовал некоторую гордость, что он с тако й девушкой. Даже официант улучшив момент, тихонько шепнул на ухо Помиранцеву, как комплимент:

– Я вам завидую. У вас такая девушка...

Слушая его, Павел Егорович испытывал трепетное волнение. Не мальчишка он, а рядом с этой красавицей будто сбросил пару десятков лет и теперь испытывал влечение и прилив сил. «А что? Может я и смогу ее удовлетворить», – подумал, пригласив Нину на танец и чем ближе прижимал ее к себе, тем больше терял голову, совсем забыв о тех принципах, которых придерживался раньше. Голову вскружила ему эта молодая корреспондентка. И прямо из ресторана Помиранцев повез девушку к себе.

Нина оказалась очень веселой девушкой.

– Я хочу танцевать, – заявила она, когда они вошли в квартиру. – Там в ресторане, мы с вами танцевали совсем мало, – сказала Нина, причем произнесла эти слова как укор, который Помиранцев принял на свой счет. Там в ресторане, не отказав своей привычке, плотно поужинав, сидя за столиком, он расслабился, почувствовал усталость, и когда Нина приглашала его несколько раз, вежливо отказывался. Ни с кем другим, девушка танцевать не пожелала, сохраняя верность только ему. Но теперь, дома, решил исправиться, поставил кассету с хорошей музыкой.

– Я к вашим услугам, – как галантный кавалер произнес он и сделал кивок головой, при этом вытянувшись по стойке смирно. Но когда девушка обвила руками его шею и приблизилась так, что он почувствовал, как трепетно бьется в ее груди сердце, голова у Помиранцева стала кружиться. Руки с талии скользнули вниз и остановились на круглой упругой попке молодой красавицы.

Еще там, в ресторане, Помиранцев незаметно для девушки несколько раз подливал ей в шампанское водку. Хотел, чтобы Нина опьянела. Пьяные женщины такие беззащитные. Именно такая и была нужна сейчас Помиранцеву. Он давно не занимался любовью и та уверенность в мужской силе, которую он чувствовал в ресторане, теперь ему казалась ошибочной. Вот, если бы девушка напилась и уснула, тогда бы Помиранцев отнес ее на диван, но ни в коем случае не на кровать, где спал с женой. Кровать – это святое, их семейное, и посторонней женщине, пусть даже молодой и красивой, там не место. Диван, вот то, что сгодится для занятия любовью с очаровательной корреспонденткой. Потом бы, Павел Егорович снял с девушки всю одежду, и вволю налюбовавшись красивым обнаженным телом, позволил себе поласкать ее. И только потом, обнажившись, сам и возбуждвшись, раздвинул ее ноги и сделал бы то, о чем мечтал там, в ресторане.

Они медленно кружились под инструментальную композицию Игоря Крутого. Музыка лилась плавно, но в тоже время в ней чувствовалось некое возбуждение, которое передавалось и танцующим. Лично за себя Павел Егорович был готов поручиться. Он возбуждался. Да и Нина, кажется, тоже, потому что она прижималась к нему.

– Можно я вас поцелую, – вдруг попросила Нина и, не дожидаясь, что на это ответит Помиранцев, как пиявка впиалась в его толстые губы и стала медленно по ним водить языком.

Павел Егорович задрожал, такое неопишуемое чувство. Особенно, когда руки девушки опустились к его брюкам. Быстрое движение, и расстегнут не только ремень, но и пуговицы удерживающие брюки в поясе.

Павел Егорович густо покраснел, испытывая перед девушкой робость, но отговаривать ее не стал, предоставил ей полный простор действий. Только посчитал своим долгом напомнить:

– Ниночка, я прошу учесть. Я ведь уже в таком возрасте, когда может...

Девушка прикоснулась своим аккуратненьким пальчиком к его губам, не давая ему продолжить ненужное объяснение.

– Молчите. Не надо ничего говорить. Я буду делать все сама. И постараюсь, чтобы вам было приятно. Вы только не мешайте мне. И не надо стесняться. Вы ведь хотели этого? Признавайтесь?

– Хотел, – переборов робость, тихонько произнес Помиранцев. И почувствовал облегчение. К сожалению, начальник настолько въелся в сущность Павла Егоровича, что даже в сексе он не мог избавиться от этого комплекса. Никогда не вел себя с женщиной грубо, но все делал с высокомерием. Раз девушка пообещала все сделать сама, пусть делает. Так решил Помиранцев, наблюдая, как Нина ловко управляет с пуговицами на его рубашке.

Минута, и рубашка, майка и брюки – уже оказались на кресле. Павел Егорович тихонько хихикнул, когда Нина стала стаскивать с него трусы. Застеснялся, не зная, как она отнесется к тому, что под ними. Не станет ли критиковать? Да фигура его далека от совершенства.

Но, кажется, все это вместе ничуть не огорчило Нину, и Помиранцев облегченно вздохнул.

Девушка быстро разделась сама и, падая на диван, увлекла и Помиранцева. Тихонько засмеявшись, она сказала:

– Ой, мы с вами упали.

– Да, – возбужденно произнес Помиранцев, чувствуя под собой молодое упругое тело. Вид обнаженной девичий груди с выпуклыми сосками, вызвал в нем такое волнение, что Помиранцев почувствовал дрожь в сердце. Казалось, еще немного и оно остановится, перестанет биться. Сейчас он просто не думал, что с ним может случиться что-то ужасное. Он хотел только одного, побыстрее овладеть красавицей. Боялся, вдруг она в самый неподходящий для него момент встанет и, одевшись, уйдет, на прощанье, бросив что-нибудь обидное. Разве такого мужчины она достойна?

Он целовал ей то один, то другой сосок. Водил между большими грудями языком и стыдась заглянуть ей в глаза, подбирался к самому сокровенному, что прятала девушка под узорчатыми полупрозрачными трусиками.

Потом был секс. Правда, Павел Егорович не ожидал, что блаженство будет таким коротким. Хотелось большего да не получилось.

Нина, как игривая кошка, забралась на него, и когда Помиранцев почувствовал, что полностью вошел в нее, испустил протяжный стон. Хотел попросить девушку, чтобы остановилась, не двигалась, но, как оказалось, уже поздно. И вот все кончено.

Павел Егорович закрыл глаза. Уверен был, девушка рассчитывала на большее, но сегодня он оказался к большему не готов. И застыдился.

– Ничего. Так бывает. Ведь мы с вами только встретились. Делаем это первый раз, – успокаивала его Нина, как могла и обнадежила: – В другой раз вы сможете это делать намного дольше. Вот увидите.

Помиранцев осмелился открыть глаза. Чувствовал во рту сухость. Неплохо бы выпить по бокалу шампанского.

Нина от такого предложения не отказалась.

– Я сейчас принесу, – она быстро соскочила с дивана и голая побежала в кухню. И глядя на ее обнаженное тело, круглую попку, Павел Егорович ощутил в себе прилив сил. И ему захотелось ее еще.

Прошла минута, другая, а девушка не шла.

«Ну, чего она там копается?» – начал уже Помиранцев изнемогать от нетерпения. И позвал:

– Нина?

– Я уже иду, – раздался из кухни ее приятный голосок, в котором сквозили нотки сожаления, – Я тут у вас немного шампанского пролила. Надо бы вытереть.

– Ну, вы чудачка. Бог с ним, с шампанским. Я заждался вас.

Она появилась перед ним, как прекрасная Афродита. На серебряном подносе стояли два хрустальных фужера наполненные игристым шампанским, а на тарелочке лежало несколько долек мелко порезанного ананаса.

Но не это сейчас интересовало Павла Егоровича. Все его внимание было приковано к ее бедрам и пучку густых вьющихся волос прикрывавших лобок. Все это вызывало у Помиранцева трепетное возбуждение.

– Иди ко мне, моя киска, – подрагивающим голосом, проговорил он, откинув простыню и показав, что он в полной готовности продолжить то, чем они только что занимались.

– О-о, – восхищенно протянула девушка и похвалила: – Я вижу, вы входите во вкус. Вы просто молодец. Но перед этим надо обязательно выпить по бокалу шампанского, чтобы мое путешествие на кухню было оправданным, – она взяла с подноса фужер и грациозно протянула Помиранцеву. Другой пригубила сама.

Едва Помиранцев осушил предложенный фужер, девушка с аппетитом голодной самки набросилась на него. Он хотел сказать, что теперь сам бы не прочь полежать на ней, но Нина не давала ему и рта раскрыть, впиваясь в его губы и целуя.

«Ну и темперамент у этой киски», – удивлялся Помиранцев, подумывая, насколько его хватит и, чтобы в момент экстаза эта разъяренная тигрица не придушила его.

Когда Павел Егорович опять испустил протяжный стон, кончив в нее, то вдруг почувствовал невыносимую адскую усталость. Такое ощущение, что силы окончательно покинули его и внутри пустота. Веки сделались тяжелыми и сами собой стали закрываться. И сколько Помиранцев не делал усилий, побороть сон не мог. Последнее, что он увидел, перед тем, как заснуть, это рядом лежащую Нину. Девушка, кажется, спала. И тогда Павел Егорович почувствовал, будто проваливается куда-то, и нет сил, с этим совладать.

– Нина, – прошептал он, засыпая.

Но не прошло и несколько минут, после того как Помиранцев заснул, девушка открыла глаза и тихим, ласковым голоском позвала:

– Павел Егорович? Жирный старикашечка. Ты спишь?

Помиранцев отреагировал громким храпом, словно по квартире на полном газу разъезжал бульдозер и не мог остановиться.

– Ну, спи, спи, старый осел. – Девушка встала и бросив чуть насмешливый взгляд на развалившегося на диване Помиранцева, стала производить в комнате самый настоящий обыск. Заглядывала в шкафы, ящики столов, всюду, что на ее взгляд представляло интерес. Причем, делала это довольно профессионально. Если брала какую-то вещь, то после осмотра обязательно возвращала ее на место так, как она лежала до этого. И только на свое место, чтобы потом у Помиранцева не возникло ни малейших подозрений. Здоровенный стеклянный шкаф набитый хрусталем, не вызвал у нее интереса. В нем девушка копать не стала. А вот старинный комод из мореного дуба, с короткими резными ножками, подбитыми войлоком, сразу привлек внимание, едва голая девица вошла в маленькую комнату, скорее служившую кладовкой, с одним единственным зашторенным окном.

Свету не хватало, и девушке пришлось воспользоваться настенным плафоном. Включив его, обнаженная девица опустилась на колени, грациозно оттопырив круглую попку. Все ее внимание было сосредоточено на паркете. Он был покрыт тонким слоем пыли. Видно в

этой комнате Помиранцев бывал не так часто. Но в глаза бросились едва заметные полосы, оставленные войлоком. Сомнений быть не могло. В комнате, где прибирались крайне редко, по какой-то надобности отодвигали комод. И делали это не раз.

Еще раз взглянув на полосы стертой на паркете пыли, девушка попыталась отодвинуть предмет мебели, который никак не гармонировал с современной обстановкой в квартире. Наверное, по этой причине он и попал в кладовку, чтобы с глаз долой. Вещица, несомненно, могла украсить гостиную в усадьбе графа Шереметьева. И не понятно было ее предназначение у Помиранцева. Вот так, на первый взгляд, не скажешь, чтобы глава холдинга тяготел к старинной мебели.

Комод оказался не таким уж и тяжелым, хотя имел внушительные размеры. С места он сдвинулся на удивление легко, даже не пришлось прилагать больших усилий. Когда он отъехал в сторону, девушка увидела в стене нишу с вмонтированным в нее небольшим сейфом. Коварная улыбка появилась на ее лице.

– Вот он! – восторженно воскликнула девушка. – Я и не сомневалась, что у такого прижимистого старичка имеется загогуляшка. Теперь неплохо бы его открыть и заглянуть внутрь. Думаю, там есть на что посмотреть. – Она попыталась ноготком подцепить дверцу сейфа, но два хитроумных замка накрепко соединили ее с корпусом из сверхпрочного металла.

И на красивом личике отобразилось огорчение. Ей не терпелось удовлетворить свое любопытство. Она обшарила все ящики комода в поисках ключей, но так и не нашла.

– Ну что ж, папашка, тем хуже для тебя, – зло проговорила голая девица, возвращая комод на место.

* * *

Когда Павел Егорович проснулся, Нина лежала рядом и спала.

На часах было – двенадцать. Жалко было тревожить сон обворожительной красавицы. Вволю насмотревшись на ее прелести, Помиранцев склонившись к самому ушку, тихонько позвал:

– Ниночка. Пора просыпаться. Уже двенадцать часов.

Ее веки дрогнули и девушка открыла глаза.

– Ну, теперь мне влетит от мамы. Столько времени я провела у вас. – Девушка вскочила с дивана и стала быстро одеваться.

Глядя, как она натягивает трусики, торопливо застегивает лифчик, Павел Егорович почему-то смутился, посчитав себя виновным в том, что столько времени продержал девушку у себя. «А ведь действительно, нехорошо получилось. Она даже не позвонила родителям, не предупредила», – подумал он и предложил:

– Нина, а хотите, я поговорю с вашей мамой? Постараюсь ей объяснить...

Но девушка даже не захотела слушать.

– Ни в коем случае. Вы не знаете мою маму.

Помиранцев поежился под простыней. Действительно, получится несуразно, если он вдруг вот так заявится. Кем и как представиться ему: любовником или просто другом. Не то не другое не подходит по возрасту.

– Не беспокойтесь. Я сама все объясню. Я думаю, она поймет. Мне не десять лет. И я имею право на личную жизнь.

– Ну, правильно, – соглашаясь, Помиранцев кивнул.

– И с кем проводить время, это мое личное дело, – проговорила девушка, заметив беспокойство во взгляде Помиранцева. Показалось, он хочет что-то сказать. И она не ошиблась.

Прикрываясь простыней, Помиранцев сел на диване и преодолев робость, спросил:

– Скажите, может, вы нуждаетесь в деньгах? Так я могу...

Наверное, зря заговорил он про деньги, потому что девушка изменилась в лице прямо на глазах.

– Вы меня посчитали проституткой? Раз пришла к вам и все такое, – она так глянула на Помиранцева, что тому стало неуютно в собственной квартире.

«Дурак я. Вот сморозил, так сморозил», – пожурил он себя, сказав:

– Упаси Бог, Ниночка, – он скроил виноватую физиономию и, приложив обе руки к груди, как на покаянии, попытался изъясниться более понятливей: – Я хотел просто помочь... если надо? Я могу... Я вполне обеспеченный человек. И если есть нужда в деньгах, то, пожалуйста...

Девушка улыбнулась. Теперь в ее глазах Помиранцев прочитал восхищение и почувствовал гордость. Вот он какой, Павел Егорович. Пусть она знает.

– А если... – она на минуту замялась, потом все с той же улыбкой спросила: – мне, скажем, нужна большая сумма?

Помиранцев понял, она блефует, но все равно было приятно. Такая красавица. Ну, разве ей в чем-то откажешь?

– И какая же это сумма? – спросил он тоном миллионера, готового к значительным жертвованиям.

Девушка не теряла время на раздумья.

– Ну, скажем пятьдесят тысяч долларов.

Наивная. Кажется, она хотела озадачить Помиранцева, но не получилось.

– Не смешите меня, Ниночка, – сказал Помиранцев, едва не рассмеявшись. Что для уважаемого человека пятьдесят тысяч? Красавице не мешало бы понять, с кем она познакомилась.

– Ого, – произнесла девушка удивленно, отводя Помиранцеву особое место среди своих знакомых. А он самодовольно хмыкнул, рассуждая, что ей не мешает понять сразу, он не какой-то резвый жеребец способный только затащить красотку в постель. Если с таким человеком водить дружбу, он очень даже может пригодиться. И уж, конечно, выручить деньгами. Деньги для него это такой пустяк.

Теперь Нина боготворила своего пожилого покровителя.

– Ну, хорошо, – ее маленький носик капризно вздернулся, – а если, – глаза оценивающе смотрели на солидную фигуру главы холдинга, расположившегося теперь поперек дивана. – А если – сто тысяч долларов? Дадите займы, если очень будет нужно?

Но даже такая сумма нисколько не озадачила Павла Егоровича. Казалось, в его сытых глазах и на этот раз не было ни капли удивления.

– Да хоть – двести, – сказал он, удивив девушку еще больше, но как человек, во всем любящий порядок, посчитал своим долгом добавить: – Только, конечно, хотелось бы получить от вас какие-то гарантии...

Красивая мордашка сразу потускнела, а в глазах появилась нескрываемая обида.

– Вот вы сразу заговорили о формальностях. И ни капли доверия. – Она разочарованно посмотрела в обеспокоенные глаза Помиранцева. А тот уже ругнул себя. Не так сказал и не то, и Нина истолковала его слова как недоверие. Поспешил сказать, оправдываясь:

– Но, Ниночка, поймите меня правильно...

Дальше девушка не дала ему договорить.

– Да ладно. Я все понимаю. Просто подумала, вдруг мне и в самом деле понадобятся деньги. Я приду к вам, и неужели вы мне вот так дадите?

Помиранцев решил быть великодушным до конца. И пообещал:

– Приходите, и я дам, когда вам будет очень нужно.

Прозвучало по-барски. Но уж очень хотелось порисоваться перед молодой особой. Красотой, молодостью, Помиранцев не мог взять ее. Это все осталось в прошлом. Годы

наложили свой отпечаток. Но что им оказалось неподвластно, так это деньги. Помиранцев был богатым человеком. И пусть девушка знает это.

– Ну, ладно. Ловлю вас на слове, – хитро прищурилась красавица. Она подошла к нему уже одетая и чмокнула старичка в его толстые, чуть отвислые губы.

– Нина... – он хотел спросить, когда снова сможет увидеть ее и передать, как будет скучать. Но девушка дотронулась своим пальчиком до его губ и сказала:

– Мне сейчас надо идти, – тут же одарила его обнадеживающим взглядом и добавила, как бы оставляя право решения за ним: – Если хотите, мы можем увидаться еще у вас здесь? Старичок от радости чуть не подскочил с дивана. Готов был целовать ей ноги.

– Ниночка! Конечно, хочу.

Девушка пообещала:

– Ну, тогда я вам на днях позвоню. Тем более, вам еще необходимо прочитать материал, который я напишу. Чтоб я не втюхала туда ничего лишнего. Честно признаюсь, в ваших специфических терминах по авиастроению я разбираюсь слабо.

– Ничего. Мы разберемся вместе, – убедительно сказал Помиранцев.

– Вот на этом диване, – хохотнула девушка и пошла к двери.

Помиранцев побежал за ней в прихожую, проводить.

– Ниночка, с нетерпением буду ждать вашего звонка, – мурлыкал он, забегая вперед, к двери.

– Я позвоню. Ой, сколько тут у вас замков, – хихикнула она, глядя, как Павел Егорович отпер сначала один замок, потом другой. – Воров боитесь?

– Эх, Ниночка, – вздохнул Павел Егорович. – Жизнь такая стала, что всякий мало-мальски имеющий достаток человек, вынужден защищать свои двери от непрошенных гостей.

Перед тем, как выйти на лестничную площадку, девушка еще раз поцеловала Помиранцева, только на этот раз в щеку.

«Божественное создание», – думал Павел Егорович, закрывая за ушедшей девушкой металлическую дверь. Настроение у него было прекрасное. Возмущенный близостью с молодой красавицей, он долго не мог заснуть. Хотелось встать, одеться, выйти на улицу и до рассвета бродить по ночной Москве, как в далекой молодости. Все это было когда-то. Было, но безвозвратно прошло. Подобное теперь, представлялось Павлу Егоровичу непозволительной роскошью. Единственное, в чем он себе сейчас не отказал, это подойти к окну, раскрыть его и, усевшись на стул, вдыхать ночную свежесть.

* * *

На другой день, выбрав момент, когда в кабинете не оказалось назойливых подчиненных, Помиранцев набрал номер, который видел на визитке у Нины. Обладая отменной памятью на телефонные номера, он легко запомнил его. С утра хотелось позвонить, но выдалась такая возможность только перед обедом. «Надо пригласить ее на ужин», – решил Помиранцев, ища предлога для встречи.

Несколько длинных гудков, и в трубке послышался довольно приятный мужской голос. Причем, едва услышав его, у Помиранцева сразу сложилось мнение, что принадлежит он человеку намного моложе. Даже забеспокоился. «Там у них, небось, полно мужиков. И все возле нее ошиваются», – подумал с сожалением, зная, как трудно удержать возле себя красивую, молодую девушку, владеть которой хотелось только ему одному. Почему бы ни позволить себе на старости лет такую роскошь? И что хорошего она увидит от них от современных недотеп? Но если не дура, а Помиранцев ее к таким не относил, выбор она сделает правильный.

– Редакция журнала «Крылья родины», – донеслось представление из трубки, и тут же нетерпеливый мужской голос попросил: – Говорите, вас слушают?!

Помиранцев спохватился. Ведь слушали его. Для начала он, как человек деликатный, извинился за звонок и не менее деликатно попросил:

– Можно пригласить к трубке корреспондента Нину Алексеевну, – назвал он девушку по отчеству, но не назвал фамилию. И мужчине пришлось уточнить.

– Кузнецову? – спросил он.

Помиранцев опять извинился, только теперь посетовал на забывчивость.

– Да, Кузнецову. Если можно, конечно, – в своем деликатном тоне произнес он, надеясь услышать голос Ниночки. Но разговаривавший с ним человек, представившийся редактором журнала, разочаровал его, сказав:

– Знаете, ее сейчас в редакции нету. Она на задании. Но, я думаю, – уверенно произнес он, – примерно через полчаса она подъедет. И если вы оставите номер своего телефона, она вам обязательно позвонит.

Свой номер Помиранцев оставлять не стал. Огорчившись, что не застал ее, он заговорил несколько мрачновато:

– Передайте ей, что звонил Помиранцев Павел Егорович. Мой номер она знает. Как появится, пусть позвонит мне.

– Хорошо, Павел Егорович, – чувствовалось, редактор, разговаривавший с Помиранцевым, был милым, интеллигентным человеком и поспешил заверить. – Обязательно передадим. Даже не сомневайтесь. Она вам перезвонит.

Сейчас, разговаривая по телефону, Помиранцев почему-то почувствовал отдаленную тревогу. И чем дольше держал трубку, тем больше это проклятое чувство наполняло его сознание. Подумал еще: «Что это со мной? Нет, права моя секретарша, бросить все к черту и укатить к морю. Хотя бы на пару недель. Ничего тут без меня не случится».

Кончив говорить, Помиранцев положил трубку и еще несколько минут сидел хмурый и задумчивый, пока из приемной не позвонила секретарша Вера, тем самым напомнив, что лично нужно отставить в сторону и переключиться на дела.

8

В небольшой однокомнатной квартире, развалившись в кресле и положив обе ноги на стол, сидел Коваль, курил сигарету, нисколько не обращая внимания на то, что пепел падает ему на джинсы. Он привык к неряшливости.

Когда зазвонил телефон, он без суеты отложил сигарету в пепельницу и только после этого снял трубку. С Помиранцевым разговаривал таким голосом, чтобы у того не возникло никаких сомнений, что беседует он не с каким-нибудь простачком, а человеком, занимающим должность. Коваль представился главным редактором журнала. И если бы Помиранцев спросил его имя и отчество, Коваль представился бы. Имя и отчество подходящие были для подобного случая заготовлены. А уж преподнести себя, Коваль умел. Не зря ведь отмахал три курса в театральном институте.

Но Помиранцев не спросил, а сам Коваль не стал лезть на рожон. Это было излишне. И вообще, весь разговор должен быть как можно короче, на случай прослушки. Вдруг этот Помиранцев вовсе не лох, а прожженный волчара и клацает под ментами. Тогда все обстоит гораздо хуже и можно ждать минут через десять приезда дядей в погонах.

Но, побеседовав с ним не более минуты, Коваль убедился, он – САМЫЙ настоящий лох, судьба которого решена. И теперь от них ему не спастись.

Когда разговор был окончен, Коваль откинулся в кресло и с наслаждением докурил свою сигарету. Потом набрал номер и сказал в трубку:

– Кирюха, это я. Хочу обрадовать тебя. Старичок клюнул. Пару минут назад звонил сюда, спрашивал Нину Кузнецову. Скажи нашей подруге, чтобы минут через двадцать позвонила ему. Дедуля волнуется. Говорить с ней жаждет. Из квартиры пусть ему не звонит. Вдруг у него определитель. Лучше из автомата, с улицы. Пока все. Если что, я тут на дежурстве в редакции журнала «Крылья родины», – захохотал Коваль. Это он придумал представить дело так, будто Наташа является корреспондентом журнала. И название придумал соответствующее. А как еще было подобраться к Помиранцеву? Девку с улицы, старичок ни за что к себе не подпустит. Корреспондент – другое дело. А если этот корреспондент – красивейшая девушка, достойная короны мисс мира, это девяносто девять процентов успеха. И успех этот целиком и полностью зависит только от Наташи. Ей надо втереться в доверие и попасть к нему в дом. А здесь уж все методы хороши. Но самый проверенный – постель. Пусть старый насладится ее телом. От Наташи не убудет. И вреда он ей не причинит, потому что долго трахать ее не сможет. Но, похоже, девчонка оказалась молодчиной, сработала на все сто.

Перед тем, как идти к Помиранцеву, они снабдили Натаху снотворными таблетками. Хотя такому старикашке достаточно и одной, но решили уж действовать наверняка, поэтому Наташе было велено не скупиться и всыпать в бокал такую дозу, чтобы Помиранцев отрубился. Но сначала он должен ее захотеть. И захотеть хорошо. В рабочем кабинете, или машине, как человек интеллигентный этого делать не будет. Но если очень захочет, обязательно пригласит домой.

В планы Наташи входило, во что бы то ни стало вступить с Помиранцевым в контакт. Она даже хотела пригласить старичка на ужин. Не важно куда. Да хоть в любую забегаловку, кафешку.

Но Помиранцев сам пригласил девушку и причем в довольно хороший ресторан. И когда во время ужина, глава холдинга отлучился буквально на три, четыре минуты, Наташа бросила пару таблеток «Виагры» ему в фужер с шампанским. Посчитала такую дозу вполне достаточной, чтобы старичок возбудился. Заниматься любовью со стариком, ей не доставляло удовольствия. Хватит того, чтобы у него разыгрался аппетит. Тогда он пригласит ее к себе. Она согласится поехать только к нему домой и больше никуда.

Получилось все, как они задумывали. Перед этим, они несколько дней подряд следили за Помиранцевым, прежде чем подпустить к нему девушку. Собирали о нем необходимую информацию и уже точно знали, что дома Помиранцев хранит большую сумму денег. Вот это и должна была проверить Наташа.

Очутившись у него дома, Наташа поняла, постели избежать не удастся. Изголодовался старичок. Порнухой себя после смерти жены убажает. Это Наташа определила сразу по стопке дисков с заманчивыми названиями. Видела такие же у Кирилла. Ее дружок между делом тоже просматривает порнушку. Тоже аппетит нагоняет, прежде чем лечь в постель с очередной грудастой малолеткой.

Старичка Помиранцева Наташа обижать не стала. Раз необходимо лечь с ним в постель, значит надо ложиться. А то ведь еще чего доброго, заподозрит неладное. Тогда все, к чему они так тщательно готовились, сорвется в одночасье.

А чтобы нейтрализовать Помиранцева и тем временем обыскать квартиру, пришлось воспользоваться снотворным. А что еще оставалось? Надо же удостовериться, что старичка не бедненький. Наличие сейфа, подтвердило их предположения в том, что деньги Помиранцев держит не где-нибудь в банке, а дома. Банкам он уже перестал доверять. Верный источник из Ментов узнал, что директор холдинга проворачивает темные делишки, за это получает невероятные суммы, которые предпочитает хранить где-то в тайнике. А где именно тот тайник, должна выяснить Наташа.

Ей предстояло еще пару раз встретиться с главой холдинга. Но только пару и не более, чтобы не примелькаться соседям. Знакомство их не должно быть долгим. И в тот, самый первый раз, когда Наташа изображая пьяненькую, согласилась вечером приехать к нему, попросила никому не рассказывать на работе. Чтобы не возникло сплетен и недомолвок.

Но, кажется, Помиранцев и сам больше всего боялся этого. Он охотно пообещал. В любви ему девушка не клялась, но сразу дала понять, что ценит его доброту. Даже подала надежду в будущем подумать и, возможно, остаться с ним жить. Приходилось красноречиво врать, и Наташа делала это умело. Старичок ничего не заподозрил. Что ни говори, а все-таки приятно иметь дело с наивными людьми.

Выйдя в кухню за шампанским, Наташа успела достать из сумочки пару таблеток снотворного. Зато потом старичок заснул, как ребенок, спокойным, безмятежным сном. И не мешал ей шманать его квартиру. А, проснувшись, так ни о чем и не догадался. Потому что все вещи были на своих местах, и девушка лежала рядом. Если бы только Павел Егорович знал, скольких усилий потребовалось Наташе, чтобы так искусно притворяться спящей. Но он так и не узнал.

9

Павел Егорович еще раз осмотрел заставленный множеством закусок стол. Таким изысканным блюдам мог бы позавидовать любой, даже самый дорогой ресторан.

В центре стола стояла огромная хрустальная ваза с охапкой белых роз, которые он хотел потом подарить Наташе. Пара бутылок самого лучшего коньяка и шампанское, на бутылке которого сохранилась пыль французских подвалов с 1900 года.

Все это вместе, должно было произвести на Нину, если не шокирующее, то, по крайней мере, интригующее впечатление. Так задумал Павел Егорович.

Услыхав в прихожей звонок, Помиранцев забыл про возраст и резвым жеребенком поскакал к двери.

– Кто? – спросил на всякий случай и прислонил глаз к дверному глазку, дававшему обзор почти на сто восемьдесят градусов.

На лестничной площадке девушка стояла одна.

Осторожность, глава холдинга никогда не считал лишней. Поэтому сейчас не столько глядел на девушку, сколько на пространство вокруг нее. Но волноваться не было повода. Никого постороннего он не увидел.

Помиранцев быстро отпер один замок, потом другой и, наконец, третий. Торопливость его объяснялась тем, что не прилично, долго держать даму перед дверью.

– Ниночка, – нежно заворковал он, как бы в извинение за те короткие минуты, пока ей пришлось стоять перед закрытой дверью. – Как я рад, что вы пришли. Я так скучал без вас. Вы себе и представить не можете.

Он на минуту представил, как девушка изумится, стоит ей только увидеть приготовленный им стол. Пусть знает, как широко, с размахом, живет Павел Егорович Помиранцев. Надоело таиться, вечно быть в тени, скрывая достаток. И на работе и перед соседями. Надоело выставлять себя человечком с ограниченными финансовыми возможностями. Ну, а если эта девушка не оценит его по достоинству, он просто вышвырнет ее из своей жизни.

– Пожалуйста, в комнату. Сейчас мы с вами перекусим, ну и все такое... – он не договорил, что за этим должно последовать дальше. Но Нина – девушка не глупая, сама понимает. Как пиявка повисла на нем, стаскивая рубашку и брюки.

Пожалуй, это было единственным, что Павлу Егоровичу не нравилось в девушке. Ее неистовый темперамент. Уж слишком спешит она, проворно освобождая его от одеяния. Чувствовалось, подобное она проделывала не раз и не два с другими мужчинами. Павел Егорович еще подумает над этим. А пока...

Она припала к нему и лизнула в грудь. И тут же носик капризно сморщился.

– Фу! От вас потом пахнет.

Павел Егорович покраснел. Расставляя тарелки на стол, возможно, и вспотел немного. Но уж не настолько. Сказал:

– Ниночка, это вполне возможно. Я суетился. Накрывал на стол, – он кивнул на стол, на который она, кажется, даже не обратила внимания.

Ему страстно хотелось, чтобы сейчас в ней пробудился аппетит голодной женщины к еде, а не сексуально неудовлетворенной самки. И чтобы она с достоинством оценила его старания и деньги ухлопанные на все это.

– Ничего и слышать не хочу. Мужчина должен всегда встречать женщину чистым. Быстро в ванну, – скомандовала девушка, добавив. – Мы не занимались любовью целых два дня. – Девушка вытянула руку и показала обескураженному Помиранцеву два пальца с накрашенными ноготками. – И я хочу...

Договаривать ей не пришлось. Помиранцев потопал в ванну. Решил уступить девушке. Раз она этого хочет, можно принять душ. «В конце концов, хуже не станет», – думал Помиранцев, подставляя свое обрюзгшее тело под тонкие струи теплой воды.

Внезапно показалось, будто хлопнула входная дверь. Ванна находилась рядом с прихожей, и услышаться он не мог. «Что это могло быть?» – подумал Павел Егорович, подозревая, уж не сбежала ли от него Нина? По крайней мере, голоса ее он теперь не слышал.

– Нина?! – негромко позвал он, прислушавшись. Услышал шаги и тихие, едва различимые голоса. Быстро стянул с вешалки большое банное полотенце, и не успел завернуться в него.

Дверь ванной открылась, и Павел Егорович Помиранцев увидел прямо перед собой наглую рожу высокого, широкоплечего парня.

– Ой, – ойкнул Помиранцев растерянно, точно подавившись. С минуту молча таращился на незнакомца, туго соображая, как он мог тут очутиться.

Взглянув мимо парня, в комнату, он увидел, еще пара таких же качков сидят за столом, разливают по рюмкам коньяк и тыкают вилками в салаты.

Не проронив ни слова, Павел Егорович только моргал глазами и не понимал, как такое могло произойти. И самое непонятное, пока оставалось для него, зачем они тут? Что им надо? На этот счет предположений возникло много. Самое лучшее, взять бы и спросить у наглецов, зачем они заявились к нему. Но Помиранцев не решился. Не известно, какая за этим последует реакция с их стороны. Вспомнил про девушку. В комнате ее не было. «Но тогда, где она? Что они с ней сделали?»

Один из этих вопросов он осмелился задать парню, стоявшему перед ним:

– А где Нина?

Кажется, в отличие от Помиранцева, парня это не слишком интересовало. Он махнул рукой на дверь.

– Ушла Нина. Чтоб не мешать нашему разговору, – он легонько ткнул Помиранцева в отвислый живот, и засмеялся, увидев, что старичок испугался, отшатнувшись к стене.

– Значит, это она открыла вам дверь, – наконец-то сообразил Помиранцев, посчитав девушку сообщницей этих громил. Он хотел одеться, но парень стоявший возле него, не дал.

– Не стоит, Павел Егорович. Одежда вам ни к чему, – с издевкой проговорил он, а один из сидящих за столом, длинноволосый очкарик, поднял рюмку, наполненную коньяком и как бы, между прочим, бросил:

– За кормильца нашего, господина Помиранцева Павла Егоровича!

Только теперь Павел Егорович обратил внимание, что на руках у него надеты резиновые перчатки. В смятении он бросил взгляд на руки, сидящего рядом с ним парня.

Точно такие же перчатки, из тонкой, прозрачной резины, были и у него на руках. «Ну, конечно же, они не хотят оставлять отпечатков», – смекнул Помиранцев. Даже не глянув на руки парню, стоявшему перед ним. Не сомневался, что и он не отстал от своих приятелей. Теперь все мысли Помиранцева сводились к одному. Он оказался в очень незавидном положении. И очень может статься, что эти амбалы не захотят оставлять его в живых. Досадно было, как легко он попался, соблазнился на дешевую девку. «Тоже мне, корреспондентка! Мать ее!» – со злостью подумал он о девушке и покосился на пиджак. Его сотовый лежал во внутреннем кармане пиджака. Если бы удалось схватить его, то можно было бы запереться в ванне и сообщить в милицию. Ведь это самое что ни на есть ограбление. Вломились в квартиру при помощи своей сообщницы.

Но мысль о сотовом, Помиранцев посчитал запоздалой, едва увидел, как очкарик взял пиджак и обшарил все карманы. Достал сотовый телефон, уставившись, словно на диковину.

– Крутой сотовик, – сказал он и тут же спросил: – Сколько номеров в памяти?

Как будто это сейчас было так важно, особенно для Помиранцева. Павел Егорович попросту не посчитал нужным ответить. И очкарик не поленился задать тот же самый вопрос, только в уже грубой форме.

«Вот прицепился, идиот», – тихонечко вздохнул, глава холдинга и сказал:

– Я уже точно не помню. Но вы можете взять его себе. Вы ведь пришли ограбить меня? Так забирайте все!

Все трое переглянулись. А парень стоявший возле Павла Егоровича и присматривавший, чтобы тот от волнения не сотворил какую-нибудь глупость, сказал:

– Вы очень догадливый. И раз уж вы обо всем знаете, советую, добровольно сдать все имеющиеся в доме ценности.

Помиранцев заставил себя ухмыльнуться. Надо было показать этим бандитам, что они ошиблись. И он сказал надтреснутым голосом:

– Тоже мне ценности. Две, три тысячи долларов. Ну и золотишка немного от покойной жены осталось. Все это лежит там в шкафу. Забирайте.

Кирилл начал терять терпение. Он глянул наметанным глазом на дорожную обстановку, с ходу определив, во что все это богатство Помиранцеву обошлось и с улыбкой, похожей на оскал, сказал:

– Ах, Павел Егорович, Павел Егорович. Старая ты – брынза. Неужели ты считаешь, что мы пришли сюда, поболтать и чтобы ты нас держал за лохов? Ты подумай хорошенько, прежде, чем болтать. В банках деньги ты не хранишь...

– Откуда вам это известно? – искренне удивился Помиранцев, приходя к мысли, что имеет дело не с шелупонью, а настоящими бандитами.

– А мы, драгоценный ты наш старичок, многое про тебя знаем. Ну подумай сам, неужели бы мы, вот так ни с того ни с сего, вломились сюда?

– Логично, – Помиранцеву ничего другого не оставалось, как согласиться и он сказал, кивнув на богато обставленную комнату. – Ладно. Черт с вами! Забирайте аппаратуру. Видеокамеру. Двойку. И вообще все, что сочтете нужным. Вон там, в книжной полке, под книгами, лежат двадцать тысяч долларов. Забирайте и исчезайте из моей жизни. И я обещаю, что забуду о вашем визите.

Все трое мордovorотов кажется, удивились такому нахальству, а очкарик тряхнув башкой, произнес с издевкой:

– Смеешься над нами, дядя. А зря.

– Да нисколечко, – поспешил Помиранцев заверить его и всех остальных. Для себя определился: пусть они забирают аппаратуру и доллары с золотом и уходят. Наверняка, его свяжут и заклеят рот. При ограблениях всегда так делают. Ничего. Придется потерпеть. А потом он обязательно сообщит в милицию. Даст описание их лиц, и этих козлов найдут. Конечно, долларов с золотом не вернешь, но аппаратура и прочая дребедень, застрахованы, и какая-то сумма ему будет возмещена. Сейчас бы только побыстрее выпроводить их.

– Да кому нужно это говно? – не выдержал Коваль и грубо выругался на Помиранцева. Не сомневался, тот откровенно издевается над ними. Не хочет признать, что они люди – серьезные. Вот и подсовывает всю эту бытовую дребедень.

А третий парень, с приплюснутым носом и здоровенными кулаками, принялся считать в слух:

– Двадцать тысяч на четверых, это...

Помиранцеву его лицо не понравилось больше остальных. И взгляд. Этот набыченный взгляд из-под черных, густых бровей. Переносица искривлена. И во рту все передние зубы вставные.

«Бандюга! Небось, за главного у них», – подумал Павел Егорович, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Не загружай мозги, Толян. Тебе это вредно, – сказал ему очкарик и добавил: – Это ровно по пять штук на харю.

– Скоко? – боксерского вида парень угрожающе привстал со стула. – Я чего, фофан что ли? Из-за пяти штук мараться?

– Да ладно тебе, Толян. Не суетись. Павел Егорович просто пошутил, – с этими словами длинноволосый очкарик усадил приятеля обратно на стул.

Помиранцеву разрешили войти в комнату. Проходя мимо тренажного маленького столика, на котором стоял телефонный аппарат, глава холдинга покосился на него. «С сотовым не получилось. А с этим?..»

Словно угадав мысли Помиранцева, очкастый Коваль улыбнулся и сказал:

– Не советую даже, и пытаться позвонить. Руку отрежу, – показал он на здоровенный столовый нож. А парень, ни на шаг не отходивший от Помиранцева, вернулся к тому, о чем спрашивал пару минут назад.

– И так, мы ждем. Или ты отдаешь все сам, или... – Договорить Кирилл не успел.

Из кухни выскочила Наташа. Оказалось она не ушла и все это время стояла там, у окна с сигаретой. И вот не выдержала.

– Павел Егорович, да отдайте вы им эти проклятые доллары. Хотя бы от мучений себя избавите. – Прозвучало, как совет. Она знала, в живых Помиранцева Кирилл не оставит. Но совсем необязательно мучить его перед смертью. Возможно, Кириллу, и всем остальным, это доставляет удовольствие. Но только не ей. Выносить не могла этих истязаний. Но, если Помиранцев будет упорствовать.... Хотя, какой смысл? Ведь известно, где его потайной сейф.

Увидев девушку, Помиранцев не удивился, но и восторга не замечалось в его глазах. Скорее, разочарование. Не хотелось, чтобы она видела его унижений и побитую физиономию. А ведь без этого не обойдется. Смутное подозрение овладело Помиранцевым. «Неужели ей известно про сейф? Вот лопухнулся», – мысленно ругнул себя глава холдинга и, не подавая вида, сказал как бы удивляясь:

– Нина, что вы такое говорите? Мне и отдавать-то ровным счетом нечего. У меня куча племянников.... Каждому помочь надо. Дочь в Америке. Внуки. – Прозвучало как-то не очень убедительно.

– Перестаньте. А сейф в маленькой комнате? За комодом?

Эти слова девушки Помиранцев воспринял, как приговор. Наверное, минуту, а может и больше, молчал, собираясь с мыслями. Она узнала про его тайну. Эта дешевая шлюшка. Теряясь от волнения и едва выговаривая слова, пролепетал:

– Так ты знаешь про сейф?.. Но, как ты узнала? А-а, – протянул он, догадываясь и кивнув головой, – пока я спал.... Ты обшарила квартиру. Ах ты, сучка!...

Договорить оскорбление в адрес Наташи ему не позволили. Резкий удар кулака в челюсть, опрокинул Помиранцева на пол. Помиранцев захрипел от боли, выплевывая вместе с выбитыми зубами сгустки крови.

– Гады, – произнес он разбитыми губами.

– Кирилл! Прошу тебя, не бей его. Я не могу видеть, – Наташа попробовала вмешаться, но Коваль схватил ее за плечи и втолкнул в кухню.

– Побудь пока здесь. Ты свое дело сделала, не мешай теперь нам. Вдруг у него где-то еще чего-нибудь припрятано. Чувствуется старикашка прижимистый. А уговорами да убеждениями его не проймешь. Тут, Наташа, нужны другие методы, более жесткие, – показал Коваль кулак, после чего плотно закрыл дверь в кухню, чтобы Наташа не могла слышать хруст сломанных ребер и стоны.

Оставшись одна, Наташа закурила и отвернулась к окну, стараясь не прислушиваться, как за стеной слышались частые удары и голос Кирилла:

– Сука, давай деньги. Говори, где у тебя еще припрятано?..

Он усердно месил ногами катавшееся по ковру тело. Старика не жалел. Знал, его придется все равно убить. Но перед смертью хотелось кое-что у него расспросить. Пока он еще мог говорить.

И Помиранцев, от боли то теряя сознание, то, вновь приходя в себя, понял, ему не выжить. Но пусть бы это произошло быстро, без мучений и чтобы не чувствовать эту ужасную боль.

Чуть оперевшись на руки, он приподнял от залитого кровью ковра обезображенное от побоев лицо, зло взглянул на боксера. Его удары были сильнее остальных и более болезненные.

– Перестаньте. Хватит. Ваша взяла. Все деньги у меня лежат в сейфе. Ключ... – он на минуту замолчал, как бы впадая в забытие, но сильный удар ботинка в низ живота вывел его из этого состояния. – Ключи от сейфа лежат на кухне, в мойке, рядом с ведром мусора. Завернутые в газету. Берите.

Коваль метнулся в кухню и тут же вернулся с комком грязной, промасленной газеты, которую и в руки-то брать было противно.

– Эта? – показал он комок Помиранцеву. Тот согласно кивнул головой, едва выговорив разбитыми губами:

– Эта.

Коваль быстро развернул газету, достал из нее два ключа.

– Ты смотри ж, чего старик удумал, – сказал он как бы с усмешкой и пошел в маленькую комнату.

– Сигнализации нет? – на всякий случай поинтересовался Кирилл.

– Нет, – ответил Помиранцев и чуть отполз в сторону. Временное затишье, пока его не били, показалось ему ни с чем не сравнимым блаженством.

– Смотри, падала! Если обманешь, на куски тебя порежем, – предупредил Кирилл.

Помиранцев заплакал.

– Не обманываю я вас.

– Открывай, – сказал Кирилл ожидавшему Ковалю. Тот быстро справился с замками и когда открыл дверцу, от неожиданности присвистнул.

– Ни хрена себе, куш! Да тут не меньше миллиона, – сказал он, пробежав глазами по ровным стопкам сто долларовых купюр.

Все пачки они с Толяном боксером переложили в принесенную с собой сумку. Вернувшись в комнату, где был Помиранцев и Кирилл, Коваль с сочувствием глянул на рыдающего главу холдинга и сказал:

– Сам, дружок, виноват. Зачем повелся на молодую бабу? И деньги надо было хранить не дома, а в банке. Так надежней бы было.

– Дурак я! Старый дурак! – всхлипнул Помиранцев.

– А кто спорит? – уже равнодушно произнес Коваль и едва заметно кивнул Толику головой. Дав знак, что со стариком пора кончать.

Боксер неожиданно резко ударил Помиранцева кулаком в горло. Тот только прохрипел. Потом вместе с Ковалем они схватили почти безжизненное тело и поволокли его в ванну.

Наташа стояла в кухне, прислушиваясь к всплеску воды. Но очень скоро он прекратился, и в ванне стало тихо. Докурив сигарету и бросив окурочек в раковину, Наташа вышла в коридор.

Коваль старательно вытирал носовым платком дверную ручку и замки, где могли остаться Наташины отпечатки. Когда Наташа посмотрела на него, весело подмигнул.

– Идиот, – ругнула его Наташа, но Коваль не обиделся. У него было слишком хорошее настроение, чтобы обижаться на такие мелочи.

Кирилл сидел, развалившись в кресле, и пересчитывал пачки долларов. Так увлекся, что на присевшую рядом Наташу, не обращал внимания, чтоб не сбиться. Казалось, кроме этих бумажек, аккуратно сложенных в стопки, он ничего и никого не замечал. И уйди они сейчас все из квартиры, он даже не заметит. Деньги для него в жизни главное. Иногда Наташе казалось, что когда-нибудь он их всех променяет на деньги, как торговец рабов.

– Ну и сколько тут? – совсем без интереса спросила Наташа. Просто хотелось, чтобы этот счетовод сбился. Но упрямый Кирилл молчал, пока не досчитал до конца. Потом только сказал:

– Здесь ровно миллион, двести тысяч. Вот привалило нам! – он радовался как ребенок. Заметив, что Наташа пытается заглянуть в ванну, где в пенистой от шампуня воде плавало тело Помиранцева, он посоветовал:

– Не смотри туда. И не переживай о нем. И когда только ты, Наташа, привыкнешь к нормальной жизни. Пойми, в этом мире так: если не ты, так тебя. Правильно, Коваль? – громко спросил он у длинноволосого очкарика.

– Точняк, – отозвался Коваль из прихожей.

– Прислушайся, что тебе умные люди говорят, – с гордостью заявил Кирилл. Всегда любил себя возносить. Считал личностью. Уважал Ковалья и боксера Толяна. Наташа не знала, каково его мнение о ней. Зато знала, что все остальные люди для Кирилла быдло и рабы, которые должны подкармливать его деньгами. Но со всеми ними он готов безжалостно расправляться точно так же, как сейчас с Помиранцевым. Она боялась его. Уверена была, что, и Коваль с Толяном тоже побаиваются.

Толян даже не вмешивался, когда Кирилл считал доллары. Стоял и вертел в руках видеокамеру.

Кирилл сам спросил у него:

– Нравится?

– Ага. Ништяк – вещица. Я ее заберу.

Кирилл только покачал головой, вспомнив про уговор, ничего из вещей не брать, но настроение было хорошее, и он сказал весело:

– Ну что с ним будешь делать? Как дитя, – потом обратился к Наташе: – Ты, Наташа, не горюй. Поешь лучше. Тут столько всего наготовлено.

Наташа ужаснулась.

– Как ты можешь? После всего этого... – она не договорила, что собиралась, только добавила с укором: – В рот ничего не идет.

– А ты коньячку выпей, – предложил Коваль, поддерживая Кирилла. – У этого скупердя замечательный коньяк. – Он по-хозяйски разлил коньяк по рюмкам.

От коньяка Наташа не отказалась. На душе было паршиво, и коньяк действительно мог помочь, отвлечься.

– Вот и правильно. Вот и молодец, – подбадривал Коваль. Поставленную Наташей рюмку, тщательно обтер салфеткой.

Кирилл прошелся по всем шкафам, выгреб все найденное золото. Из книжной полки забрал двадцать тысяч долларов, про которые говорил Помиранцев.

– Ну что, вроде, все. Пора уходить. Не забывайте про следы, – сказал Кирилл.

Вдруг неожиданно задринчал телефон на треножном столике, и все напряженно замерли, уставившись на него и вслушиваясь в нежную трель. Когда он смолк, все пошли в прихожую, но сразу не открыли дверь. Постояли, послушали, нет ли кого на площадке.

Очкастый Коваль даже заглянул в дверной глазок.

– Можно выходить. Там никого, – шепотом сказал он, отпирая замки.

Лифт быстро их домчал на первый этаж. Из подъезда выходили парами. Сначала Кирилл с Наташей. А потом Коваль с боксером Толяном.

Накрапывал мелкий дождь, барабаня по козырькам уличных фонарей. Он распугал всех вечерних гуляк, и двор оказался пустым.

Все четверо прошли на соседнюю улицу, где стояла серая «девятка». Быстро сели в машину и уехали. Даже промокший гаишник, дежуривший у светофора, постарался не обращать внимания на быстро пролетевшую машину. Не до нее ему сейчас, бедолаге.

А на следующий день, когда обычно пунктуальный Павел Егорович Помиранцев, вдруг с утра не появился в кабинете, секретарша обеспокоилась. Она подождала час, другой, потом решила позвонить ему на сотовый, как делала всегда в случаи срочной необходимости.

Ее чуткое женское сердце заподозрила неладное.

– Что-то с ним произошло, – решительно сказала секретарша Вера и забила тревогу.

Быстро собрался консилиум из заместителей. А еще через час, дверь в квартире Помиранцева взламывали представители ЖКО в присутствии участкового милиционера, который потом первым вошел в квартиру. Он велел всем остаться на лестничной площадке, а сам протопал по коридору и на удивление скоро вернулся, весь бледный.

– Ну, чего там? – озабоченно спросила комендант, женщина лет пятидесяти, приглашенная в качестве представителя от жилищно-коммунальной службы.

– Труп, – не позволяя подробных объяснений, коротко сказал участковый и связался по рации с дежурной частью управления внутренних дел.

10

Пока эксперты тщетно пытались отыскать следы убийцы, а в том, что Помиранцев умер насильственной смертью, никто из оперативников не сомневался, Стас Кручинин сидел на стуле и пытался представить, как все могло происходить. И воображение рисовало ужасные картины.

По нетронутым отмычками замкам не сложно было догадаться, что дверь Помиранцев открыл сам.

– Скорее всего, он знал убийцу. А вернее, убийц, – сказал Стас.

Капитан Зорькин недоумевал на этот счет.

– Почему ты уверен, что их было несколько? – спросил Зорькин, не очень-то соглашась с Кручининим.

– Да хотя бы потому, что покойный был довольно крупный телом и уж никак не дохляк. В одиночку на такого рискованно выходить. Нет. Их было не меньше двух, а может статья и больше.

Зорькин на это только хмыкнул и пожал плечами, что означало, мол, все это пока лишь предположения. Причем, безосновательные. Раз нет следов. Как можно с точностью определить, один был убийца, или несколько.

А Стас сидел возле стола, рассматривал оставшуюся закуску. Что было недоедено, кто-то постарался свалить в одну большую тарелку, от которой теперь исходил неприятный запах. Даже в открытое окно и балконную дверь не вытягивало эту вонь.

Все указывало на какое-то торжество. Розы в вазе. Закусон такой, что закачаешься. Вот только никто из сослуживцев Помиранцева не мог с точностью сказать, по какому поводу застолье. Даже секретарша Вера только разводила руками, хотя в ее служебном блокноте, по личному распоряжению Помиранцева, были заранее расписаны все юбилеи и торжества.

– Бьюсь об заклад, в квартире у убитого была женщина, – сказал криминалист Тутмин и, встретившись взглядом со Стасом, кивнул на вазу с цветами.

– Даже, может не одна, – пошутил по этому поводу Стас.

А Тутмин заметил обидевшись:

– Неужели ты думаешь, покойный стал бы покупать такой дорогой букет для мужиков? Если, конечно, он не педик.

– А почему бы и нет, – посчитал необходимым высказать свое мнение капитан Зорькин. – Мужчина он одинокий. И соседи никогда не видели, чтобы к нему заходили женщины.

– Ну не знаю, – немного раздраженно произнес Тутмин. – Странно, однако, другое. Хорошая закуска. А под хорошую закуску...

– Не хватает выпивки, – опередил Стас криминалиста.

– Точно, – согласился Тутмин. Ему это сразу показалось странным. И еще, на столе не было ни тарелок, ни вилок и вообще ничего такого, чтобы указывало на наличие гостей. Как будто хозяин квартиры собрал все это изобилие закусок лично для себя. Один стул. Одна тарелка, вилка и нож. И все. Так вот со стороны могло показаться, что таким застольем он хотел отметить свой преждевременный уход из жизни. И если бы не наличие на теле синяков и побоев... Но даже не специалист криминалистики легко мог опровергнуть это. Помиранцева убили. И смерть его была ужасной и мучительной.

Лейтенант Лугин вместе с капитаном Зорькиным опрашивали жильцов подъезда. Зорькин со своей работой справился быстрее, а Лугин вернулся только сейчас. И судя по его лицу, похвалиться лейтенанту было нечем.

– Чем порадуешь, Саша? – спросил Стас, заранее убежденный, что с этим у лейтенанта пролет.

– Никто, ничего не видел и не слышал, – сказал Лугин, наблюдая за действиями криминалиста Тутмина и двух молодых его помощников.

Видно лейтенанту не терпелось присоединиться к ним. И уже через минуту из небольшой полутемной комнаты послышался его голос:

– Идите сюда.

Когда Стас, Тутмин, Зорькин с участковым инспектором вошли, комод уже был, отодвинут от стенки. И все увидели, что он закрывал вмонтированный небольшой сейф, дверца которого была не заперта.

Стас аккуратно двумя пальцами взялся за ее уголок и открыл.

Сейф оказался пустым.

– Скорее всего, из-за его содержимого и пострадал хозяин квартиры, – сказал Тутмин, проверив отпечатки. Но их на дверце не оказалось, как и во всей квартире.

* * *

Больше всего на свете Стас Кручинин не любил тупое однообразие, которого в его жизни было предостаточно. Вечером, ужин. Потом одиночество в постели. Утром, завтрак и работа. И так изо дня в день. Приходилось с этим мириться, подчиняться тому порядку, который диктовала жизнь. А на что еще можно рассчитывать холостяку?

Звонок новой знакомой девушки Наташи обрадовал его.

– Это я, – сказала девушка и, заметив в его голосе немалое удивление, тут же напомнила: – Меня зовут – Наташа. Вы чуть не задавили моего котенка. Неужели забыли?

– Нет, нет. Я не забыл. Все помню. Наташа, я рад, что вы мне позвонили, – поспешил ответить Стас.

– Правда? – в голосе прозвучала некоторая настороженность, которая скоро прошла. – Я подумала, может вам сейчас скучно?.. – Сказано было с намеком.

– Наташенька, мне не просто скучно, а чертовски скучно, – убедительно произнес Стас. И не врал. Ему и в самом деле было тоскливо и муторно от одиночества. А тут звонок Наташи. Как же он вовремя.

– Я догадывалась. И вот решила позвонить. Только скажите сразу, может я вас отвлекаю...

Стас улыбнулся и сказал весело:

– Нисколечко вы меня не отвлекаете. Наоборот. Мне очень приятно с вами разговаривать. Слушать ваш голос, – начал он подхалимаж. Насколько это удачно получилось, не догадывался, но когда он замолчал, в трубке вдруг воцарилось почти минутное молчание, потом девушка вкрадчиво заговорила:

– А хотите, я к вам сейчас приеду?

Такого Стас не ожидал. Наташа сама напросилась на встречу и не где-нибудь, а у него дома. Чтобы не выглядеть обескураженным, поспешил ответить:

– Боже мой! Хочу ли я? Да я просто об этом мечтаю, с тех самых пор, как вас увидел.

Конечно насчет мечты, Стас малость приврал. Но он действительно несколько раз вспоминал красотку в коротенькой юбочке. Особенно, когда укладывался спать. Сожалел, что не было ее рядом. Ради такого дела готов провести ночь без сна. А потом уже потерял всякую надежду, вновь увидеть ее, посчитав их встречу обыкновенной случайностью. Но сейчас он не удивился ее звонку, как будто был уверен, что она позвонит. И вот она позвонила.

Теперь голос у девушки зазвучал с насмешкой:

– Так уж и мечтаете? Признайтесь, вы меня разыгрываете?

Но Стас и не думал признаваться. Сейчас его заботил холодильник. Вернее, его содержимое. Открыв холодильник, Стас обнаружил в нем из съестного один лимон, который уже успел сморщиться. «Вот что, значит, жить на концентратах», – с сожалением вздохнул Стас и сказал в трубку:

– Наташа, я действительно очень хочу, чтобы вы приехали. Когда я смогу увидеть вас? – Вопрос был задан с умыслом. За то время, пока она едет, нужно было успеть сбежать в магазин и прикупить чего-нибудь из съестного.

– Давайте... в восемь часов. Вас устроит?

У Стаса сжалось сердце. Приглашать девушку, когда в доме хоть шаром покати. Это глупо. Да и что она подумает про него. Может обидеться. Или еще чего доброго расценит, как откровенную насмешку. Пригласил и ничем не угостил. Он глянул на часы.

Было уже половина восьмого. И ему надо проявить умение спринтера. Для начала надо прекратить этот разговор. Его затягивание уж никак не в пользу Стаса. Ведь Наташа может взять такси и приехать к нему очень быстро. И если он сейчас протянет время, то не сможет даже организовать скромный ужин. Залежалый шмоток одесской колбасы он только что съел прямо без хлеба.

– Ну что ж, значит, договорились? Ровно в восемь, я вас жду, – сказал Стас, ожидая от предстоящей встречи массу приятных впечатлений. Для такой королевы он не пожалеет ничего. Готов оставить в магазине половину своей месячной зарплаты, зато потом... Впрочем, Стас решил не загадывать. Положив трубку, он как бешенный вылетел из квартиры и помчался в ближайшие магазины.

Без двух минут восемь, у Стаса на столе красовался торт, стояли тарелочки с копченой ветчиной, колбаской и сыром. В вазе лежали фрукты. Центр стола украшала бутылка полусладкого шампанского. Была еще куплена бутылка «смирновки», но выставлять ее на стол Стас не решился. Убрал в холодильник. В пластиковом стаканчике заняли свое место салфетки и рядом фарфоровая солонка.

Предназначение этих предметов, было особое. Когда девушка будет сидеть за столом, Стас будет открывать бутылку и постарается вылить какую-то часть шампанского ей на юбку, или на брюки, смотря, в чем она придет. Потом, слегка промокнет пятно салфеткой, возможно, чуть присыпит солью и обязательно порекомендует ей снять эту деталь дамского туалета и замыть водой. И все это с самыми глубочайшими извинениями за свою нерасторопность. Но потом, когда девушка останется в трусиках, он не упустит возможность и обязательно затащит ее в постель. Так он уже делал не раз, и в результате даже самые непреклонные девицы оказывались у Стаса в кровати. Не избежать этой участи и Наташе. И совесть Стаса не будет мучить. Сама напросилась. Кто ему гнул про одиночество? Да и должна же быть хоть какая-то благодарность за труды. Вон, какой стол накрыл. Никогда не шиковал так. И теперь глядя на все это изобилие, чувствовал волчий аппетит.

Три минуты девятого в дверь позвонили. Стас уже сидел в кресле в прихожей, подждал Наташу. «Ну, наконец-то», – вскочив с кресла, отпер дверь.

– Вот я и приехала, – сказала девушка входя. Молния на ее короткой замшевой куртке была расстегнута едва ли не наполовину, и Стасу показалось, будто под курткой что-то шевелится. Не хотелось казаться наглецом, но Стас попытался заглянуть ей в вырез. Уж слишком интригующем было это шевеление.

Девушка скинула туфли, сунула ноги в приготовленные тапочки и сказала:

– Стас?! Я могу вас так называть, как называют друзья? – Ее большие карие глаза смотрели испытующе и завораживающе.

«Разве можно такой красавице в чем-то отказать?» – спросил себя Стас и приложил обе ладони к груди.

– Я буду только рад, услышать это из ваших уст. И еще...

Ее взгляд сделался настороженным.

– ... Хватит нам на «вы». Давай перейдем на «ты»? С друзьями так проще общаться. Разве я не прав? Если возражаешь, скажи.

Наташа возражать не стала, одарила его очаровательной улыбкой и сказала:

– Давай. Честно говоря, я и сама хотела предложить тебе это же.

– Ну, вот и прекрасно, – Стас опять попытался заглянуть в вырез. – А можно тебя спросить? Что это у тебя там шевелится? Не думаю, что женская грудь способна так выдавать эмоции. Хотя сейчас наука ушла далеко. Если в живую плоть вставляют силикон...

Наташа расхохоталась. Такой бессмыслицей показались его слова. Особенно насчет силикона. Хотя прозвучало забавно.

– Нет, грудь у меня обычная, и без силикона. Просто вот... – она расстегнула молнию ниже, и Стас увидел белого пушистого котенка с голубыми бусинками глазками. Того самого, которого едва не задавил там на дороге.

– Ах, вот тут кто. Старый знакомый, – произнес Стас шутливо, прикоснувшись пальцем к пушистой голове голубоглазого существа.

Котенок прижался к груди девушки и едва слышно зашипел.

– Он боится мужчин. Мой брат не любит его, и каждый раз грозит выбросить в окно, – попыталась Наташа объяснить такое неадекватное поведение мохнатого существа. Глаза девушки наполнились грустью.

– Такого красавца? – в голосе Стаса звучало некоторое удивление и сочувствие. И Наташа обрадовалась, что ее понимают, воскликнула:

– Вот и я говорю. Только Кирилл – придурок. Ничего понимать не хочет. – Она погладила котенка, прислонившись к его головке своей щекой, потом, едва не расплакавшись, попросила: – Стас, можно я оставлю его у тебя? Я боюсь, Кирилл выбросит его. А так... я иногда буду приходить к тебе, и навещать его. Мне он так нравится. Правда, он забавный?

Стас не стал разочаровывать девушку.

– Правда.

– Понимаешь, просто мне больше некому его отдать. А отдавать незнакомым людям не хочется. Тогда я не смогу видеться с ним, – она ткнула лицом в его мордочку, и котенок тихонечко замурлыкал.

Стас понял, времени на раздумья у него нет. И если сейчас он скажет Наташе – нет, она просто не переживет трагедию. Столько в глазах девушки было мольбы.

– Да я давно мечтал завести себе какую-нибудь живность, – сказал Стас и незаметно от девушки вздохнул. Пускаться в подробности не стал по поводу живности. Вообще-то подумывал завести собаку. К кошкам как-то не питал страсти, но пришлось согласиться. Наверное, потом придется не раз пожалеть об этом необдуманном решении.

Наташа от радости легонько подпрыгнула и поцеловала Стаса в щеку. Хотелось бы в губы да чтоб подольше. Уже давно ни одна девушка не целовала его в губы по-настоящему. Да за такой поцелуй он бы согласился держать у себя целое полчище пушистых очаровашек, не мучаясь вопросом, что с ними делать.

– Спасибо, Стас.

– Да о чем ты? Я ведь все равно живу один. А вдвоем с ним нам будет веселей. А потом, я надеюсь, что ты нас не забудешь.

Наташа погладила котенка и в глазах промелькнула грусть. Было видно, что расставаться со своим любимцем ей не хочется, и раз девушка пошла на это, значит причина и в самом деле крайне веская.

– А молоко у тебя есть? – спросила Наташа, проявив заботу о своем любимце. – Я уехала и не покормила его. А он голодный.

Молоко у Стаса было. Пакет молока с булкой – ежедневный рацион холостяка.

– Конечно, есть. Пойдем в кухню.

Потом они сидели с Наташей за столом, пили шампанское, смеялись, и Стасу не пришлось проливать вино ей на брюки. Все произошло само собой. Сначала был долгий поцелуй, после которого Стас взял девушку за руку и потянул в спальню. И Наташа не отказалась, пошла.

Тусклый свет ночника располагал к интимной близости. Наверное, глупо было спрашивать об этом и, тем не менее, Наташа, млея от его поцелуев, тихонько прикусывая Стасу мочку уха, спросила:

– Ты действительно хочешь меня?

Оторвав губы от ее крупного, набухшего соска, Стас произнес возбужденно:

– Очень хочу. Я хочу тебя с той первой нашей встречи.

В ее глазах вспыхнули демонические огоньки. Рот полуоткрылся в улыбке, и розовый язычок возбуждающе коснулся его губ.

– Смотри, влюбишься в меня, мучиться будешь, – проговорила она, смеясь и с бесстыдством сунула руки Стасу под плавки и вдруг задрожала, уже больше не в силах сдерживать себя. Последнее время ей часто приходилось ложиться в постель с людьми, которые кроме антипатий ничего не вызывали в ней. Она даже не могла вспомнить, когда последний раз кончала. Да, похоже, от нее этого и не требовалось. Главное, чтобы им было хорошо. Но теперь... она отдавала этому молодому парню всю себя, наслаждаясь его ласками. Она стояла, лежа в постели и впиваясь ногтями в его спину, заставляла тем самым глубже входить в нее и дать ей сделать то, что она уже давно не могла сделать ни с одним мужчиной. Интенсивно шевеля бедрами, она точно втягивала в себя Стаса. Поэтому он кончил на удивление быстро, но, чувствуя ненасытность, не остановился. И это возбудило ее еще больше. Обхватив свои обе ноги под коленями, она вдруг забросила их Стасу на плечи, и когда он прижался к ней, вдруг громко вскрикнула, откинув назад голову. Потом умоляюще зашептала:

– Не надо больше, Стас. Прошу тебя. Я больше не могу, а то с ума сойду.

– Ладно. Как скажешь, – Стас не хотел показать, что устал, ведь женщины не любят слабаков. – А то смотри. Если хочешь, можем продолжить...

Наташа обняла его, нежно прижимая к своему дрожащему телу.

– Давай оставим на следующий раз. А то я с ума сойду. У меня и так в голове как будто что-то горячее растеклось.

Потом они долго лежали в постели, обнявшись, и ни о чем не говорили. Стас заметил в глазах девушки грусть, спросил:

– Наташа, что-нибудь не так? – Он не понимал причину ее грусти. Вроде бы вел себя с девушкой достаточно корректно.

Она улыбнулась, нежно поцеловала его в губы, но глаза все равно при этом оставались грустными. Что-то ее тревожило, терзало. И это что-то она тщательно скрывала от Стаса. Сказала, чтобы успокоить его:

– Все нормально. Не переживай. И дело вовсе не в тебе, а во мне самой.

Стас не стал лезть в душу со своими расспросами. В конце концов, у нее своя, личная жизнь, и в ней, наверное, не всегда все гладко. Как, впрочем, и у всех.

А Наташа откинулась на подушку:

– Скажи, – попросила она и добавила, – Только честно. Тебе бы не хотелось вот так взять и заснуть лет на сто?

– Чего? Заснуть лет на сто? Ну, ты даешь, – Стас не то, чтобы был удивлен всему тому, что услышал, но посмотрел на нее подозрительно. Видно в той ее личной жизни что-то происходит не так. Иначе бы бредовые мысли не посещали ее. «А может, это она шутит?» – внезапно пришла к Стасу мысль.

Но потому, как ответила девушка, он понял, это не шутка.

– А мне бы хотелось, – сказала она и все сказанное, было похоже на исповедь. – Чтобы потом проснуться и поглядеть, как изменилась жизнь и люди. Как ты думаешь, меньше зла в них будет?

Об этом Стас никогда не задумывался, и неуверен был в том, о чем спросила Наташа. И ответил честно:

– Точно прогнозировать не берусь, но, думаю, вряд ли. Психология человека такова, что в нем прекрасно уживаются и добро и зло.

– А я думаю, люди станут лучше, – убежденно сказала она и поглядела на котенка, дремавшего в кресле. – Смотри, он уже привыкает к новому месту жительства.

Стас ничего не ответил, и Наташа с уверенностью закончила то, что собиралась сказать:

– Ему у тебя будет хорошо, потому что ты добрый.

– Я то?.. – удивленно спросил Стас. Наташа была первой девушкой, кто посчитал его добрейшим человеком. Почему-то раньше ни одна из красоток, перебивавших здесь, не считала его добряком, особенно когда приходилось выплачивать вознаграждение за проведенную ночь.

– Может быть ты и права, – Стас не рискнул разубеждать девушку.

Ведь это могло отразиться на их дальнейших отношениях.

– Можно я как-нибудь зайду к тебе? – спросила девушка, взглянув на часы, на которых было уже без трех минут одиннадцать. – Я буду скучать без него, – она поглядела на спящего пушистого очаровашку. Даже когда погладила его, котенок не открыл глаз. Не хотел прерывать сон.

– Зачем было задавать такой неприятный вопрос? Я хочу видеть тебя каждый день? – сказал Стас.

– Так не получится, – грустно вздохнула Наташа и пошлепала в ванну, захватив с собой трусики и лифчик.

Минут через десять она вышла и на лице сияла улыбка. Прохладный душ подействовал освежающе. Быстро оделась.

– Я позвоню от тебя? Вызову такси, – спросила она.

– Конечно, – вялым голосом отреагировал Стас.

Но прежде чем взяться за телефон, Наташа подошла, и присев рядом, наклонилась и поцеловала Стаса, сказав при этом:

– Денька через два я позвоню тебе. Ладно?

– Я буду ждать. Только не забудь, обязательно позвони. Ты знаешь, я давно мечтал встретить такую девушку как ты.

Наташа чувствовала себя самой счастливой на свете. Никто и никогда не говорил ей таких слов. А в сказанном Стасом чувствовалась искренность.

11

Кирилл был взбешен длительным отсутствием Наташи. Стоило ей позвонить, и дверь резко открылась, и Кирилл буквально втащил девушку в прихожую, успев при этом еще и встряхнуть ее. Со свирепым выражением лица он поднес левую руку, с часами на запястье, к глазам Наташи и ткнул указательным пальцем в циферблат.

– Ты это видишь?

– Что? – спросила девушка. Прекрасно поняла, о чем весь этот базар, но решила прикинуться этакой непонимашкой. Очень хотелось, чтобы он позлился. Разве мало он доставил ей в жизни неприятных минут? Пусть знает, что и она способна поиграть ему на нервах. И почему она должна щадить его самолюбие? Где она? И с кем? Его это по большому счету не должно волновать. Она тоже, как и он, имеет право на личную жизнь. И отговорка у нее заготовлена, если дело дойдет до крайности. Ему не нравилось присутствие в квартире котенка. Можно сказать, что отдала его незнакомой, просто встретившейся женщине. А потом, загрустив, долго бродила по городу. И почему она не может просто побродить по вечернему городу, как все нормальные люди? Как он, в конце концов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.